

Амирхан ЕНИКИ

ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Амирхан Еники
Повести и рассказы

«Татарское книжное издательство»

УДК 821.512.145-3
ББК 84(2Рос=Тат)-4

Еники А.

Повести и рассказы / А. Еники — «Татарское книжное
издательство»,

ISBN 978-5-298-03890-4

В книгу вошли избранные произведения выдающегося татарского писателя
Амирхана Еники в переводе на русский язык.

УДК 821.512.145-3
ББК 84(2Рос=Тат)-4

ISBN 978-5-298-03890-4

© Еники А.
© Татарское книжное издательство

Содержание

«Писатель, изменивший самосознание татар»	6
Цветок мака	8
Красота	10
На один только час	16
Воспоминания Гуляндам	28
I	28
II	33
III	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Амирхан Еники

Повести и рассказы

© Татарское книжное издательство, 2019

© Гайнуллина С. М., пер. с татар., 2019

© Гайнуллина Г. Р., сост., 2019

© Наследники, 2019

«Писатель, изменивший самосознание татар»

Есть люди, своими мыслями, взглядами, отношением к действительности способные изменить размеренный, однообразный ритм жизни. Без таких личностей, как Тукай, Дэрдменд, Еники, невозможно представить жизнь, тревоги и чаяния татар.

Амирхан Еники родился 2 марта 1909 года. Известно, что перед его рождением отец будущего ребёнка Нигметзян-ага купил Коран и предопределил будущее сына, подписав на святой книге: «Пусть дитя, которое придёт в мир, проживёт долго, станет учёным». Позднее писатель скажет: «...Специалистом, учёным, даже писателем стать нетрудно, но стать настоящим человеком – трудно. И если ты, благодаря таланту и сильному желанию, пришёл в литературу, не думай о славе и успехе, больше думай о читателе, тревожься о нём. Ты ему передай свои знания, свои верования, и он тебе поверит».

Амирхан Еники (1909–2000) – настоящий татарский интеллигент – прожил яркую жизнь великого человека. Всю свою жизнь он преклонялся перед интеллигентностью: «Мне довелось видеть старых интеллигентов. Например, я видел Джамала Валиди. Немного знал Гали Рахима, Фатиха Амирхана. Особенно мне были близки Сагит Сунчелей и Шариф Сунчелей. Они были очень просвещёнными людьми. В их поведении и манере общения – во всём чувствовалась особая культура. Ведь у интеллигентного человека не только внешность, но и душа должна быть красивая».

Если бы не существовало творчества Амирхана Еники, облик современной литературы был бы совершенно иным. Изменения в современной татарской литературе начинаются в годы Отечественной войны с прозы Амирхана Еники. Он – писатель, вернувшийся в шестидесятые годы татарской прозе её национальное лицо. Амирхан Еники – человек, одним из первых в сложную, противоречивую эпоху набатом известивший об основных жизненных проблемах нации: утрате языка, древних обычаев и ценностей, любви к родной земле, изменении отношения к красоте, в таких произведениях, как «Невысказанное завещание», «Родная земля» и других, увековечивший имя первого татарского национального композитора Салиха Сайдашева повестью «Воспоминания Гуляндам». Посвятив жизнь служению татарам, он в своих статьях-воспоминаниях восславляет имена многих великих личностей – Г. Тукая, Г. Ибрагимова, Х. Такташа, К. Тинчурина, Х. Туфана, А. Файзи, Б. Урманче и других. Амирхан Еники – один из первых литераторов, с тревогой размышлявших в своей публицистике о татарском облике нашей столицы: «В Татарской слободе возникает сначала движение просветительства, позже – джадидизма. Рождается новая литература и новый театр. Открываются новые типографии, с каждым годом увеличиваются татарские издания, наконец, друг за другом начинают выходить татарские газеты и журналы. Здесь живут и ведут свою священную работу передовые мыслители – наши учёные Шигабутдин Марджани, Каюм Насыри, Галимджан Баруди, Джамал Валиди. Здесь же начинают свою прогрессивную общественную деятельность Ибрагим Тергулов, Юсуф Акчура, Садри и Хади Максуди.

Наконец, мы не можем рассматривать творческую жизнь наших великих писателей и поэтов – Исхаки, Тукая, Амирхана отдельно от этой пёстрой, очень беспокойной слободы».

На вопрос: «А Вы не выбрали в одной красивой части Казани места для памятника себе?», писатель ответил: «До сих пор не приходилось ломать голову над этим вопросом, но уж если бы меня при жизни спросили: «Господин Амирхан, где поставить Вам памятник?», то я, конечно бы, указал гору Верхний Услон. Вокруг Казани нет места выше. Мне бы хотелось с такой большой высоты смотреть на этот «красивый и тесный» суетный мир...»

Своё отношение к писательству – его главной жизненной деятельности, литератор выразил коротко: «Писательство – дело чести». Творчество Амирхана Еники вызывает доверие, любовь, язык писателя восхищает и изумляет. Наконец, творчество А. Еники влюбляет в татар-

скую литературу. Дело нашей чести – донести до потомков красивое, яркое творчество великого писателя.

Книги А. Еники всегда на столе у Первого Президента Татарстана почтенного Минтимера Шаймиева. При содействии Минтимера Шариповича к 110-летию писателя изданы трёхтомник «Избранных произведений» Амирхана Еники, сборники на русском и английском языках, также аудиокниги, за что мы бесконечно благодарны нашему глубокоуважаемому Президенту.

Учёный-филолог Дания Загидуллина оценивает А. Еники как человека, изменившего самосознание татар. Данное издание – не просто признание замечательного творчества писателя. Хотелось бы, чтобы широкие слои читателей приняли его как часть жизненной философии, чтобы мысли и размышления, выделенные писательским пером, сумели заставить читателей ещё раз задуматься о смысле жизни и помогли определить верность своих жизненных ориентиров.

Гульфия Гайнуллина

Цветок мака

Одинокий цветок мака, растущий на дне широкой зияющей ямы, которая образовалась после взрыва бомбы, обратился к солдату, проходя мимо, остановившемуся на краю этой ямы:

– Приветствую вас, человек! Видать, издалека идёте, похоже, устали, ноги в пыли, лицо вспотело, присядьте хоть, отдохните... Вот так! Вы простите мою беззастенчивость. Очень давно не видел людей, всегда один да один! Хотя бы травка какая рядом росла! Вы видите: я нахожусь на дне ямы, вокруг только горы сухого песка возвышаются. Что там за краем ямы, какие цветы растут, какие птицы летают, какие червяки извиваясь ползают, кто проходит по дороге, – я ничего не вижу. Только иногда ко мне какой-нибудь жук скатится. Испугавшись голой бездушной ямы, бедняга, после долгих стараний вскарабкавшись наверх, уходит. Иногда какая-нибудь лягушка, обрушивая песок, с мучениями спускается ко мне. Но почувяв, что на жарком сухом дне ямы нет никакой влаги, быстро разворачивается в поисках выхода... Я рад и этому их недолгому появлению. И хотя моё жилище пустое и бездушное, я чувствую недалеко от меня живое дыхание жизни. Спасибо бабочкам! Иногда одна из них, кружась и размахивая нарядными крыльями, осторожненько сядет на меня своим мягким телом, пощекочет ароматными усиками моё лицо и, приласкав таким образом, улетит... Однако дни, когда приходят такие дорогие гости, либо встречи с любимыми друзьями случаются крайне редко, как правило, вокруг никого... Да, я одинок! Над моей головой – далеко, очень далеко лучистое небо... Дни напролёт я смотрю в это безграничное спокойное небо. Каждое утро я ожидаю восход солнца, глядя только на него, следуя за ним, я провожу свои дни. Оно тоже смотрит на меня, как будто светит для меня... А перед закатом, прежде чем спрятаться за этим песочным домом, его последние лучи, поиграв на моём ярко-алом лице, тихонько гаснут, словно утешая меня перед расставанием. Но такое тёплое наслаждение, такие радостные дни не бывают постоянно... Временами лучистое небо покрывается тучами, с небес раздаётся тяжёлый рокот, непрерывно сверкают молнии, разрезая чёрно-зелёные тучи, с утра до вечера без остановки непрерывно льёт дождь... Я сижу, склонив голову, в своём укромном уголке. Мир кажется опустевшим... Лишь откуда-то, недалеко от меня, слышно, как машут тяжёлыми крыльями пролетающие мокрые вороны.

Вот так проходят мои дни. Только вы не подумайте, мол, этот глупец жалуется на свою жизнь. Вовсе нет! Я ведь жив! Как же я, будучи живым, могу жаловаться! Но вас, наверное, удивляет место, где я расту? Думаете, наверное: «И кто это на дно ямы посадил мак?» Однако внимательно посмотрите вокруг себя! Что видите? Ужасающая разруха! Всё вокруг заросло лебедой, крапивой, полынью, чертополохом... Среди этой травы груды кирпича, чёрные обгорелые поленья, одинокие, печально торчащие печные трубы, обломки посуды, страницы из книг, обрывки изношенной одежды и ещё много всякой всячины... Если тщательно поискать, можно найти детскую соску... Всё это следы прошедшего по этой земле ужасного бедствия!.. Вы знаете уже, что это ужасное бедствие, это немилосердное зло пришло на нашу землю с запада.

Да, на этой земле был маленький, аккуратный дачный посёлок. Мы – маки, разные цветы, душистая сирень, черёмуха, яблони, малина, вишни – были его живописным украшением, его сладкими плодами. Вместо этой ямы, мы, цветы мака, когда-то росли на большой круглой клумбе... В самую её середину он – пришедший с запада хищный варвар – сбросил тяжёлую бомбу. Нас выбросило из огненной горы вместе с горячей землёй и пеплом. Это произошло в одно мгновение... Позднее пыль и пепел рассеялись. Вздогнувшее было солнце снова излучало свет, будто ничего не случилось. Я его увидел уже со своего нового места... Обломки бомбы, возможно, не успели ещё упасть на землю, а я – единственное маковое семя, слетел обратно на своё место, сюда, на дно этой ямы. Я жив, я снова в объятиях земли, на том месте,

где родился и рос! Не говорил, что комочки земли жёсткие, не жаловался на то, что не хватает влаги, – набухал, прорастал и пустил корни. А теперь видите: расту в виде красивого цветка! Не сумели они извести наше нежное, слабое племя маков... Жалкие мерзавцы!

Человек, почему вы так восхищённо смотрите на меня? Вы меня смущаете... Не скрою, ваш взгляд так желанен мне... И я бесконечно рад тому, что вы стоите там наверху. А вы не поленились и спустились ко мне. Вот вы наклоняетесь ко мне, вот дрожащими руками осторожно пытаетесь тронуть меня! О человек, благодарю вас, благодарю!.. Ваши следы на песке, ваше великодушное посещение, ваше тёплое дыхание на моём лице каждый раз будут вспоминаться как самый дорогой след. С этой поры я буду смотреть то на солнце, то на ваши следы. Каждым листочком моего цветка я буду желать вам остаться живым, вернуться на родину, к своим садовым цветам... Если бы вы знали, как мы, цветы, любили людей, как любили быть среди них! Когда-то из-за белых колышущихся занавесок на окнах мы радостно слушали звучание их голосов, радостный смех, мелодичное пение. Как счастливы мы были, когда белые руки красивых девушек срывали нас и прикрепляли к страстно колыхающейся груди! Мы не могли налюбоваться на то, как на весёлых детских праздниках по садовым тропинкам носились малыши, держа в руках белые булочки с маком... Да, да, я верю, что жизнь во веки не кончится, я счастлив, что цветы никогда не расстанутся с людьми, и я вовсе не жалею на своё одиночество!

Человек, вы собираетесь уходить! Мне тяжело расставаться с вами... Вы простите меня... Это только временно... Да, вы идите! Счастливого пути вам! Легко проходите дальние пути! Вы идёте на запад. Вас там ждут кровавые битвы, на каждом шагу, возможно, будут встречаться убитые тела, придётся проходить мимо обгорелых брёвен. Однако я – ненасытившийся красотой мира, желающий украшать его одинокий мак – пожелал бы вам, чтобы за каждым пройденным вами шагом оставались цветы... Пусть цветы, возникшие из пепла и крови, приведут вас к вечной славе и счастью! Прощайте, человек, прощайте. Светлый путь вам!

Красота

(Со слов одного старого литератора)

Это случилось давно, очень давно. Но и сегодня у меня стоит перед глазами, как мы, три шакирда¹, сев на одну лошадь, отправились из уездного медресе² домой. Точнее, мы с Гилемдаром возвращаемся в одну деревню – Чуаркуль, а Бадретдина должны оставить в деревне Ишле, находящейся на нашем пути. И ещё хочу сказать, что нас ленивой рысью везёт мерин отца Гилемдара. В деревне мы жили по соседству. По этой причине Гилемдара и меня забирать домой одной весной присылают нашу лошадь, следующей весной – их лошадь.

А Бадретдин – наш случайный попутчик. Хотя мы в медресе собирались и разъезжались в одно время, однако раньше нам не приходилось возвращаться вместе с ним. Бадретдин не любил быть кому-нибудь обузой. Как только учёба заканчивалась, он на базаре разыскивал односельчан, чтобы ехать с ними, а то и пешком топал тридцать вёрст в свою деревню. В этот раз мы, можно сказать, сами попросили его, то есть уговорили, возвращаться вместе.

Бадретдин был самым бедным шакирдом в нашем медресе. Из деревни ему никто не помогал. Только изредка кто-нибудь из приехавших на базар из Ишле односельчан передавал ему от матери завернутый в холщовую тряпку пшённый хлеб или кусочек масла. Бадретдин и это принимал, стесняясь и говоря: «Ну зачем это? Скажите маме, что я не голодаю, пусть она от себя не отрывает!» И он почему-то это масло ел, отщипывая шилом. «Почему ты так делаешь?» – спрашивали шакирды, на что Бадретдин со смехом отвечал: «Если шилом есть, то его надолго хватает».

На родине, как говорится, воробей не умрёт, так и наш Бадретдин учился с большими мучениями, был ограничен в деньгах. Зато как хорошо он учился! Это многократно проверено, что бедный студент, живя в беспощадной нужде, как правило, оказывается очень талантливым.

Ему иначе нельзя. Богатый студент даже с кочаном капусты вместо головы сколь угодно долго будет числиться в медресе. А если плохо учится бедный студент, его из медресе выставят в первую же зиму. К тому же, только очень хорошо учась, бедный студент может хоть немного облегчить своё материальное положение.

Вот и нашему Бадретдину, выражаясь языком своего времени, немного перепало от богатых. Будучи способным и старательным студентом, он помогал учителям делать всякую работу, помогал готовить уроки отстающим ученикам, красиво переписывал для больных молитвы из Корана. Словом, без дела не сидел. Однако и работу, и помощь сам он никогда не просил. Мы ни разу не видели, чтобы его лицо выражало что-то вроде: «Я ведь бедный, вы обязаны мне помочь».

По природе своей он имел живой и в то же время ровный и терпеливый характер. Он не был ни заносчивым, ни льстивым, с добрыми был добрым, а со злыми не общался – держался от таких в стороне. Интересно ещё то, что он, как бы беден ни был, никогда ничего ни у кого не любил просить. Обычно у него шакирды просили то одно, то другое, потому что в его самодельном кожаном сундучке, похожем на короб, было всё необходимое для жизни в медресе – и иголка, и нитки, и напёрсток, и шило, и перочинный ножик, и щипцы, и зеркальце, и различные карандаши, и бумага с тетрадками, даже клей и воск хранились. Как он это всё собрал? Вероятно, всё из-за той же бедности, чтобы ни от кого не зависеть, он, ограничивая себя в

¹ Шакирд – студент медресе или аналогичного мусульманского учебного заведения. Шакирды обычно изучают основы ислама и арабскую графику, религиозно-схоластические дисциплины и каллиграфию.

² Медресе (араб. букв. «место, где изучают») – мусульманское учебное заведение, выполняющее функцию средней общеобразовательной школы и мусульманской духовной семинарии.

питании, всё это и приобретал. Конечно же, он нуждался в толстых дорогих учебниках. Однако те книги, что имел, он бережно оборачивал фольгой, чтобы сохранить в чистоте обложки, и любовно хранил их.

В те предреволюционные годы среди шакирдов сильно возросло увлечение новой литературой. Для нас книги стали необходимыми, как хлеб!.. Каждый шакирд переписывал в толстые тетради песни, стихи, даже отрывки из романов. Каждый второй писал стихи. Многие сходили с ума по Сагиту Рами³. Ему подражали, старались походить на него даже внешне, учили его стихи наизусть. Конечно, для нас всех выше, всех ближе был Тукай. Его больше переписывали и с любовью читали.

Болезнь стихами заразила и Бадретдина, но он никому своих стихов не показывал и не навязывал. Его трудно было упротить прочесть свои стихи. Но если он читал свои стихи, было видно, как сильно отличаются они от жалобного, слезливого творчества остальных шакирдов. Это были изложенные простым, ясным языком описания природы, либо попытки изложить свои жизненные философские наблюдения в виде двустиший. Вот такой странный, таинственный и симпатичный парень был наш однокашник Бадретдин!

Ладно, заговорился я, а ведь мы втроём в плетёном тарантасе весело едем домой. Дорога влажная, непыльная, по ней, из-за колёк в животе издавая звуки «гырт-гырт», размеренно трусит наш сивый мерин... Недавно, в середине мая, пролились тёплые дожди. И теперь сразу всё вокруг двинулось, поднялось и растёт: потянулись, проступая как юношеские усы, ярко-зелёные ростки ржи; молодая трава на непаханной целине закрыла прошлогоднюю сухую траву, даже успела кое-где цветочки распустить... Вон, вдоль дороги видны первые розовые «колокольчики» выюнков... Что и говорить, это самое чистое, нежное и очаровательное время в природе!..

Для нас, всю зиму сохнувших в медресе, этот свободный, светлый, тёплый мир был исцеляющим блаженством, мы не могли надышаться им, досыта насладиться его ароматом, наглядеться на него. Мы часто слезали с тарантаса, чтобы ноги радовались ощущению теплоты земли; бегали, догоняя друг друга, срывали цветы. Бадретдин нашёл дикий лук, и мы начали рвать и жевать его. Я собрал длинные растения с четырёхугольным стеблем, которые в деревне называли «сладкоежки». И, содрав с них кожицу, мы их тоже поели. Бадретдин сказал, что башкиры это растение называют «плётка зятя», потому что, когда на его концах раскрываются синие цветочки, оно и впрямь становится похожим на плётку с бахромой.

А наш длинноногий Гилемдар всё бегал в поисках суслика, остановившись и соединив ладони, даже попытался посвистеть, но хитрый зверёк, видно, поняв, что это свист шакирда, не вылез из своей норки и не присел на задние лапки, приподняв свои уши.

...Всю дорогу нас сопровождали жаворонки. Как будто бы на нас беспрерывно лилась мелодия с бездонного сияющего ясного неба. А вы знаете, в чём волшебство песни жаворонка?.. Когда раздаются трели жаворонка, сначала, вы, наверное, это испытывали, по земле разливается лёгкое затишье. Будто бы вся природа, всё живое, как говорят литераторы, замирает, заслушавшись только его одного, погружаясь в радостное и грустное приятное блаженство. Другое волшебство в том, что, когда поёт жаворонок, мир как-то удивительно расплывается, становится шире, светлее. Будто от того, что в вышине находится эта маленькая птаха, земля становится безграничной, как само небо, спокойной и светлой.

Не знаю, поют ли в это время другие птицы, – не обращал внимания, но голос одной птицы, несмотря на то, что над всей землёй беспрерывно звенят только песни жаворонков, врывается в уши. Это кукушка! Созданная природой для того, чтобы напоминать людям о чём-то важном, невидимая глазу странная птица. Когда мы проезжали мимо, из тёмного леса,

³ Сагит Рамеев – татарский поэт-романтик (1880–1926).

стоящего довольно далеко от дороги, послышался её предупреждающий голос, заставивший нас умолкнуть.

Вот так, в хорошем настроении весело преодолевая путь, мы, наконец, приблизились к деревне Ишле, расположенной в ровной низине прямо напротив гор с красными склонами. Ещё перед выходом в путь Бадретдин пригласил нас выпить чаю в Ишле. Мы, конечно, не заставили себя уговаривать, для шакирдов зайти к однокашнику на чашку чая и отдохнуть – это закон.

Когда добрались до деревни, Бадретдин взял вожжи в свои руки и, свернув вправо с основной дороги, направил лошадь по поросшей гусиной лапчаткой земле к самой крайней улице и вскоре остановил лошадь у дома, одиноко стоявшего в стороне.

Мы знали, что едем к небогатым людям, но не ожидали увидеть до такой степени бедное хозяйство. Да и хозяйством это нельзя было назвать. В голое поле стоял старенький домик, наполовину вросший в землю. Полусгнившая соломенная крыша, почернев, стала превращаться в навоз. Как будто от её тяжести, некоторые брёвна домика начали выпячиваться, окна и дверь покосились, а стёкла окон от времени приобрели зеленовато-синий цвет... Ворота нет, забора нет, только протянуты два ряда ограждения из жердей со стороны улицы и поля... Двор зарос полевой травой. Там, трещина, прыгают кузнечики. Значит, у них нет никаких животных.

Мы, поражённые, старались не показывать Бадретдину своего удивления. Проехав по двору, на котором не было следов от телеги, мы остановили лошадь возле хлева, крыша которого была из хвороста. Из дома вышел невысокий рыжебородый мужчина с худым измождённым лицом. На нём была льняная рубаха и хлопчатобумажные штаны с большими заплатами на коленях, на голове – стёганная шапка без меховой оторочки, на ногах – домотканые суконные обмотки и старые лапти. Он подошёл к тарантасу, поздоровался с Бадретдином, сказав ему: «Сынок!», затем молча поздоровался с нами, протянув обе руки, и тут же направился к лошади, начал её распрягать...

Бадретдин, подняв свой сундучок, поспешил в дом. В дверях дома появилась женщина, только она почему-то повернула назад. Это, наверное, была мама Бадретдина, и нас удивило, что она, показавшись в дверях, не вышла к нам навстречу.

Пока распрягали лошадь, Бадретдин вынес из дома ведро воды, ковшик и полотенце. Мы, стоя на траве, помылись, поливая друг друга из ковшика. В голову пришла мысль: «Кумгана⁴, видно, у них нет».

У нас не находилось ни слов, ни смелости как-то беспечно это обсуждать. Однако сам Бадретдин был спокоен и не показывал никакого смущения или стеснения.

Мы умылись и, поздоровавшись, вошли в дом. Отец Бадретдина, стоявший в сторонке, очень просто сказал: «Давайте, шакирды!»

Темноватая внутренность дома так же, как и его внешняя часть, была изношенной и старой. Однако, как бы он ни был изношен, его брёвна оставались всё ещё жёлто-коричневыми, а выдававший виды, истоптанный пол был очень чистым... Основную часть дома занимало большое саке⁵, покрытое сукном, две табуретки, одна скамья и возле печи стояла ещё одна тумба для сидения. Вот и вся обстановка дома. Возле печи повешена старая тряпичная занавеска, оттуда слышно, как кто-то щиплет лучину.

Первый человек, кого мы увидели, войдя в дом, был сидящий в центре саке старик, он сидел очень прямо, уставившись взглядом в стену. Он был, как Хозур Ильяс⁶, с белоснежной бородой и в белой одежде, и только на голове у него была превратившаяся в блин чёрная тюбетейка.

⁴ Кумган – кувшин с носиком, ручкой и крышкой, рукомойник.

⁵ Саке – большие нары, лавка (в крестьянской избе), ночью служившая кроватью, днём обычно, сидя на нём, пили чай, трапезничали.

⁶ Хозур Ильяс – легендарный пророк, по преданию, испивший «живой воды» из источника жизни и обретший вечную жизнь; появляется в образе нищего, пастуха или путника, даёт добрые советы, дарит богатство или указывает место кладов.

Мы протянули руки, чтобы поприветствовать его. Дед не шелохнулся. Бадретдин поспешил сказать:

– Дедуля, шакирды с тобой поздороваться хотят.

– А, вот как! Да благословит вас Всевышний! – оживился дед и протянул нам свои сухие, большие, жёсткие руки.

Глаза его, хотя и открыты, но были полностью слепыми. Мы, присев, помолились, затем, по-ученически положив руки на колени, примолкли. Начать разговор нам самим, естественно, было трудновато, как будто кто-то постоянно связывал язык. Но, удивительное дело, хозяева и сами были безмолвны. Мы очень быстро почувствовали, что в этом доме много не говорят. Дед, застывший с прямой спиной, погрузился в свой внутренний мир. Бадретдин ходил туда-сюда, словно хотел сказать что-то, но не мог найти слов. Его отец немного посидел на тумбе у печи, разглядывая нас, затем принялся накрывать на краю саке чай. Постелил старенькую льняную скатерть, достал с карниза печи три чашки, у которых ручки либо были приклеены замазкой, либо уже отсутствовали, маленький нож, сделанный из косы, половину завернутого в тряпку каравай хлеба, молоко в деревянном ковшике.

Бадретдин достал из своего сундучка пару горстей сахара и высыпал их на середину скатерти. Вскоре за занавеской кто-то тихо сказал: «Сынок, готово!» Бадретдин вынес оттуда самовар, у которого и носик, и ручки были залатаны оловом.

Затем Бадретдин велел нам сесть на саке, скрестив ноги. После этого была подана яичница в сковородке на треножнике. Мы к еде не притрагивались, ожидая, когда сядут хозяева. Однако дедушка не двинулся с места, а дядя не встал со своей тумбы. Тогда Бадретдин повернулся в сторону занавески и очень мягко сказал:

– Мама, выйди уж, сама разлей нам чаю!

– А папа? – тихо спросили из-за занавески.

– Папа? Нет, лучше ты сама, – ответил Бадретдин, как-то искренне упрашивая.

За занавеской помолчали, затем к нам вышла женщина в льняном платье и надетом поверх него таком же фартуке, в лаптях и чулках и, прикрывая краем ситцевого платка лицо, и, опустив голову, села за самоваром.

Когда я взглянул на неё, моё сердце содрогнулось. Вернее, не скрывая скажу, меня пронзило чувство брезгливости: и лицо, и глаза несчастной женщины были полностью изуродованы следами когда-то перенесённой оспы. Это трудно описать, язык не поворачивается, но не могу не сказать, что левый глаз у неё полностью был прикрыт, а правый так уродливо увеличен, что в этом, смотрящем сквозь завесу слёз, без ресниц и без бровей глазу изнутри как будто отражалась вся душа бедняжки. Можно сказать, что этот незакрывающийся, в грустных слезах глаз – единственное зеркало её оголённой души!

После пережитого чувства брезгливости и жалости в голову пришла мысль: как это Бадретдин осмелился показать нам свою несчастную мать? Мы ведь обычно стараемся не показывать своих больных и уродливых родственников. Даже мать, будь она вот такой, не осмелились бы, постеснялись бы показать чужим. Бадретдин совсем не видит этой сложной ситуации, или не понимает? Или, видя и понимая, умеет глубоко прятать?

А женщина между тем, разлив чай по чашкам, протягивала их нам, пряча при этом лицо за самоваром. Мы, не поднимая головы, молча принялись пить чай. А Бадретдин угощал нас:

– Давайте, шакирды, пейте чай, кушайте! – И хоть бы тень ожидаемого мной смущения или стыда была заметна в его голосе!

Попробовав яичницу и выпив по две чашки чая, мы прикрыли свои чашки. Бадретдин, незаметно вздохнув из-за бедности угощения, резко встал на ноги и сказал:

– А давайте я покажу вам свои книжки, – и, сняв с небольшой полки у окна связку книг, дал нам.

Мы, обрадованные этому появившемуся занятию, начали их рассматривать. Здесь была пара романов из новой литературы, четыре или пять сборников стихов. Несколько сильно истрёпанных книг: «Молодой парень», «Подражания», «Лейла и Меджнун», «Герой-убийца» и пара учебников на арабском и фарси. Мы, чтобы провести время, просмотрели их, поговорили об этих книгах, какие из них прочитаны, какие – нет, интересные или не очень.

– У меня ведь для вас, однокашники, есть ещё кое-что интересное, – сказал Бадретдин и достал с полки маленькую скрипку.

Это была самодельная, некрашенная, плохонькая скрипка.

Мы удивлённо спросили:

– Откуда она у тебя?

– Сам смастерил, – ответил Бадретдин и начал настраивать неотчётливо звучащие струны.

О том, что он играл на кубызе и бренчал на мандолине, мы уже знали. Но скрипка!..

– Эй, Бадретдин, почему ты раньше это скрывал? – спросили мы. – Мог бы поиграть для нас на скрипке Сагита в медресе!

– В присутствии мастера прячь свои руки, – сдержанно улыбнулся Бадретдин.

Он долго и мучительно настраивал эту месяцами не тронутую скрипку. В это время я взглянул на его маму: материнский взгляд на сына-шакирда был наполнен такой большой любовью, идущей из глубины души, она сидела, околдованная счастьем, растворённая в нём, позабыв обо всём на свете. Я словно вздрогнул сердцем и телом. Понимаете ли вы, можете ли себе представить – в этом взгляде единственного, широко распахнутого глаза отразилось присущее не только одному человеку, но и всему, что имеет душу, восхищение и безграничная радость, несказанная гордость от созерцания чуда, сделанного своими руками: ведь она родила этого ребёнка! Она выкормила его своей грудью! Она – мама этого стройного юноши! Мама шакирда, будущего учёного человека... К глазам невольно подступили слёзы, и я опустил голову.

Стараниями Бадретдина через какое-то время скрипка была настроена, и он, подперев её плечом, начал водить дугообразным смычком. И хотя у скрипки был очень слабый, как у бессильного цыплёнка звук, он казался нам очень приятным и желанным. Как будто по воздуху в доме лилась протяжная печальная мелодия – вечная мелодия. О чём думал застывший с прямой спиной дед, какие переживания были у неподвижно сидящего на тумбе мужчины – этого невозможно было понять. Только внутри мелодии, как полная луна сквозь туман, светилась безмолвной радостью мама Бадретдина. Какие судьбы связывали этих людей, какие тайны были между ними?..

Сыграв несколько песен, Бадретдин обратился к матери:

– Мама, что тебе сыграть?

Она по-детски покраснела и в этот момент ещё больше засветилась от радости, но ничего не смогла ответить.

– Мама, ты ведь любила вот эту песню! – сказал Бадретдин и заиграл «Холодный ручей». Его слова, вернее, та простота, теплота и естественность интонации, с какой были сказаны эти слова, разбили все мои последние сомнения. Оказывается, у Бадретдина не было и намёка на то, что он мог бы стесняться своей матери!.. Какое там стеснение! Он играл на своей скрипке, никого не видя, только для одной мамы, глядя только на её рябое лицо с одним перекошенным и другим выпученным глазом, вызвавшее у нас сначала чувство брезгливости. В его немного грустном и задумчивом взгляде, вместе с затаённой жалостью и теплотой, чувствовалась не только очень сильная любовь к матери, но и глубокое понимание её, уважение и утешение. Уж и не знаю, какие потоки любви должны быть в глубине души, чтобы так смотреть?! Или подобное может быть только между очень некрасивой матерью и красивым ребёнком и, наоборот, между

красивой матерью и некрасивым дитём? Последнее встречается довольно часто, а вот первого мне не приходилось видеть.

Нам уже надо было отправляться в дорогу. Когда Бадретдин закончил играть, мы спросили у хозяев разрешения помолиться.

Дядя потёр свои залатанные колени, а Бадретдин, обернувшись к деду, сказал:

– Дедушка, шакирды просят благословения.

Дед кивнул головой, и мы поднялись.

...Сивый мерин был запряжён, и мы выехали с поросшего полевой травой «двора» на середину улицы. Бадретдин с отцом, проводив нас, остались стоять у плетня... Нет, не только это, с ними вместе остался за нами на краю деревни самый убогий дом с его неизвестной нам глубокой тайной – то ли несчастье, то ли трагедия, а может, недоступная нашему пониманию высокая надежда на счастье.

Солнце уже клонилось к западу, но жаворонки, как будто не насытившись дневным светом, поднялись ещё выше, непрерывно и ещё протяжнее и яростнее распевали и распевали. Мир широк, широк, широк, ой-ой-о-ой! Земля и небо спокойны, пусто и грустно... очень грустно мне!.. Ничего не могу с собой поделаться. Перед глазами лицо матери, глядящей на сына из-за самовара, и я в душе начинаю плакать. Хочется кому-то погрозить кулаком и крикнуть: она ведь не уродливая, она красивая, красивая, красивая, мама Бадретдина!

На один только час

В двух километрах от деревни вдоль пологого склона холма проходит железная дорога. Если смотреть из окна дома Галимджана-абзый⁷, стоящего почти у околицы, можно увидеть спрятанные между старыми ивами маленькое здание станции из красного кирпича и аккуратные, выкрашенные в жёлтый цвет строения с красными крышами. Протянувшиеся по обеим сторонам станции несколько рядов путей часто бывают свободными; только в том или другом тупике грустно стоит, как будто забытый, одинокий вагон... Иногда на этих путях останавливаются длинные эшелоны... И когда двери их вагонов открываются, оттуда выпрыгивают люди и начинают туда-сюда ходить.

А бывает, что вагоны остаются закрытыми, и тогда они выглядят, как соединённые ниткой игрушечные вагоны: кажется, их чёрные колёса, лёгкие и тонкие, лишь коснутся земли, тут же и покатятся.

Чёрный паровоз выглядит издали как скаковой жеребец, очень красивый, энергичный, смелый, он с каждым фырканием распространяет по воздуху ровные ряды белых облаков. Жена Галимджана-абзый Марьям-абыстай⁸ любила смотреть на спрятанную под ивами низенькую красную станцию, с обеих сторон которой тянулись пути, похожие на серебряные вожжи. Раньше у неё не было такой привычки. Она, вместе с женщинами из близлежащих деревень, приносила яйца, молоко, масло и, расхваливая всё это по-татарски, старалась продать пассажирам, а когда лукошки и бутылки опустошались, в приподнятом настроении спешила домой, к своему старику. Словом, у неё никогда не возникало желания смотреть на станцию, на поезда, всё это было что-то давно привычное... А когда началась война, три её сына, сев в красные вагоны, уехали в сторону запада, на фронт. Марьям-абыстай считала, что когда-нибудь они в таких же вагонах вернутся по этому же пути и сойдут на этой маленькой станции.

И вот она пристрастилась с переполненной тоской душой, или просто в минуты беспричинной печали, стоять и смотреть на железную дорогу.

Долгое время станция бывала пустой, ни с одной стороны не появлялись поезда. Марьям-абыстай, стараясь подавить поднимающуюся из глубины сердца безнадёжность, тихо вздохнув, отходила от окна. Иногда она видела эшелоны, идущие вдоль холма. Солнце глядит на холм, и в сторону деревни падают большие косые тени от маленьких красных вагонов, и эти отделённые друг от друга ровными участками света косые тени быстро бегут по зелёной траве, а вдоль рельсов несётся, не отставая от лёгких чёрных колёс, этот пёстрый свет. Вот из маленькой латунной трубы приближающегося паровоза вдруг за клубился белоснежный пар и быстро поплыл вслед за ним, оставляя в воздухе над поездом едва различимые мелкие колеблющиеся волны... А через некоторое время в уши Марьям-абыстай влетает звук долгого крикливого гудка. Она не в силах слушать этот звук хладнокровно, он проникает ей прямо в сердце, и она, как заколдованная, не может оторвать от поезда своих глаз. Она долго сквозь слёзы, наполнившие туманом глаза, наблюдает, как поезд подходит к станции, как бесшумно, неторопливо останавливаются вагоны, как из поезда выходят люди, и ожидает, что кто-нибудь направится по дороге в деревню. Ведь всё же когда-нибудь один из её трёх сыновей сойдёт с поезда и пойдёт по деревенской дороге! Она ведь, глядя из этого окна, первой увидела возвращение с фронта нескольких односельчан.

А сегодня состояние Марьям-абыстай было не очень хорошим. Всё её тело отяжелело, голова как в тумане, а руки и ноги обессилели. Однако она, несмотря на это, привыкла вставать рано. Из-за того, что старик и сноха Камиля уходят на полевые работы, она каждый день,

⁷ Абзый – обращение к мужчине пожилого возраста.

⁸ Абыстай – (устар.). Так называют богатую, обычно немолодую, либо очень грамотную и образованную женщину.

поднявшись раньше них, старается как положено проводить членов своей семьи. Пока Камиля сходит за водой и подоит корову, уже казан стоит на огне, картошка сварена и самовар вскипел.

Вот и сегодня так, когда старик и сноха, выполнив свои обязанности во дворе, вернулись в дом, несмотря на её плохое самочувствие, всё было готово к чаю. На столе уже шумит самовар, как будто сам для себя напевая что-то, посередине стоит большой табак⁹, наполненный горячей картошкой, от которой поднимается раздражающий аппетит тёплый пар.

Вот Галимджан-абзый, потирая руки, сел за стол. Взял одну большую картофелину, обильно посолил и откусил, наполнив рот. Чуть попозже, повеселев, глядя прищуренными глазами на Марьям-абыстай, он спросил:

– Старуха, ты почему такая печальная?

Марьям-абыстай, подумав, ответила:

– Да так, и сама не знаю, голова болит.

Галимджан-абзый, не обращая внимания на её слова, продолжил своё:

– Сдаёшь, старуха, сдаёшь!

Марьям-абыстай не ответила старику. Она чувствовала в себе характерную для составившихся людей тяжёлую пустоту, как будто бы из неё некая пиявка высосала всю силу. Мыслей нет, ощущений нет, есть только одно бессилие, отяжеляющее веки и всё время тянущее в постель. Это глухое бессилие постепенно распространяется по всем её частям тела, как будто не спеша несёт какую-то тяжёлую болезнь и наполняет уши непрерывным раздражающим шумом.

Проводив старика и сноху на работу, она принялась лениво убирать со стола. Десятилетняя дочка снохи Зайнап быстро подмела полы и куда-то убежала. Марьям-абыстай осталась одна, и одиночество сделало эту пустоту ещё глубже и как будто бы ещё глуше. Ей хотелось только лечь, она даже поленилась привычно подойти к окну, чтобы взглянуть на железную дорогу. Прибравшись, она влезла на сундук, стоявший у печи и, прислонившись спиной к печке, съёжившись легла. Полежав какое-то время, она как будто задремала. Но это был нездоровый сон. Перед её закрытыми глазами возникали какие-то неузнаваемые видения, люди вдалеке, что-то разыскивающие в тумане, и в ушах слышался доносящийся издали постоянный шум плотины. Однако она со временем уснула, и чувствительность её полностью погасла. В какой-то момент в её ушах прозвучал возглас: «Мама!» – но она это ещё не осознала, только всё её тело вздрогнуло. Через какое-то время этот голос прозвучал прямо над ухом, и чётко было слышно: «Мама!»

По всему телу Марьям-абыстай пробежала резкая дрожь, и, желая избавиться от какого-то безумного бреда, она невольно покачала головой и открыла тяжёлые веки.

Склонившись над ней и с улыбкой глядя на неё, перед ней стоял её младший сын Гумер... В глазах Марьям-абыстай на секунду вспыхнул страх безумия. Гумер, продолжая улыбаться, спокойно сказал:

– Мама, не пугайся, это я.

Опираясь на локти, Марьям-абыстай попыталась встать. Её губы начали быстро шевелиться: то ли она от радости пыталась закричать, то ли хотела прошептать молитву, но сумела только едва слышным от бессилия голосом сказать:

– Сынок, о Боже, мой Гумер, ты ли это?!

Гумер, мягко взяв мать за обе руки, приподнял её с места:

– Да я же, мама, я. Или у тебя глаза плохо видят?

Марьям-абыстай то ли от бессилия, то ли страдая от невозможности найти слова, заплакала навзрыд.

⁹ Табак – большая чаша.

В этот момент на пороге появилась Зайнап. Она на секунду остановилась, затем заполнила весь дом криком:

– Абый!¹⁰ – и как молния кинулась на улицу.

Раздавшийся в тишине дома неожиданный крик Зайнап, наконец, вывел Марьям-абыстай из сна. С неё в одно мгновение слетела вся болезненная слабость. Она, вытирая глаза, словно душа её исцелилась, начала говорить:

– Вот, пусть прольётся на тебя благодарение! Я подумала, что вижу это во сне. Я ведь даже не слышала, как поезд гудел.

Чуть погодя она вспомнила, что надо что-то делать, однако как человек, который не знает точно, что именно, спешно направилась было к двери, потом развернулась и подошла к сыну.

– Ты бы присел, дитя моё, ноги твои, небось, устали... Боже мой, и отец уже успел уйти. Пойду-ка я за ним. Он, наверное, на колхозном поле.

Она направилась было к двери, но Гумер её остановил.

– Мама, ты не ходи. Зайнап ведь видела меня. Она наверняка за папой помчалась.

– Вот как?! Совсем я растерялась. Думаю, не сон ли это. Ведь сама ждала, ждала же, сердце моё чуяло... О Боже, не зря я молилась, теперь мне только осталось Шакира и Фатиха увидеть...

В это время с улицы послышались голоса приближающихся людей, дверь распахнулась, и вошли Галимджан-абзый, сноха Камиля и Зайнап.

Лицо Галимджана-абзый превратилось в одну улыбку, собрать которую было бы невозможно; и как он ни старался держаться спокойно, но губы у него побелели и слегка дрожали...

Он протянул обе руки поднявшемуся навстречу своему сыну.

– Сынок, Гумер!

– Здравствуй, папа!

– Да благословит Аллах, да благословит Аллах! Настал ведь день радостной встречи.

Камиля тоже, протянув обе руки, поздоровалась с младшим деверем. Она едва слышно проговорила:

– Гумер! Живые люди однажды возвращаются! – затем всхлипнула и расплакалась.

А Зайнап с радостным криком «Мой абый!» бросилась на шею Гумеру. Галимджан-абзый, присев на стоявший позади него табурет, возвёл вверх руки и провёл ими по лицу¹¹, а потом, ласково глядя на сноху, сказал:

– Сноха, дитя моё, не плачь. Вот, раз один вернулся, и твой вернётся. Вестей нет, конечно, но и плакать причины нет. Потерпи! А ты, сынок, насовсем?

– Нет, папа, на время...

– Вот как, оказывается, не насовсем, а! Хм, а надолго?

– Я ненадолго...

– Ну так, насколько: на два месяца, на месяц?

– Нет, папа... я совсем ненадолго, только на один час!

Это известие так сильно на всех подействовало, как будто оно прозвучало не из уст Гумера, а послышалось, как звук, пришедший откуда-то сквозь стены, и все они от этого звука мгновенно застыли. Галимджан-абзый смотрел на сына, не веря, с жалкой улыбкой... И Марьям-абыстай с изумлением и ничего не понимающим лицом, широко раскрыв глаза, уставилась на сына.

Гумер поспешил объяснить:

¹⁰ Абый – обращение к старшему по возрасту мужчине.

¹¹ Жест, которым мусульмане сопровождают слова молитв, сказанные вслух или про себя.

– Наш эшелон на станции, папа. Мы из госпиталя едем на фронт. Поезд ненадолго остановился, и меня отпустили только на один час, чтобы увидеться с вами.

Галимджан-абзый, не находя слов, почти прошептал:

– Маловато, сынок, маловато, – и, помедлив, как будто вспомнил что-то, сказал: – Ну ты, Гумер, раз так, можешь уехать завтра следующим поездом.

– Не получится, папа, я должен успеть на свой поезд!

После этих категорических слов все какое-то время постояли, не зная, что сказать. Они были не в состоянии понять, ощутить всю тяжесть мгновенного расставания после такой радости от неожиданной встречи. Они не знали, какое из этих двух совершенно несовместимых чувств принять за реальность, какому из них верить и с каким из них необходимо жить в эту минуту. И Камиля сама не заметила, как перестала плакать. Марьям-абыстай вновь почувствовала себя плохо и давнишняя пустота снова начала поглощать её. И только Зайнап, не желающая ни знать, ни слышать ни о каком отъезде, закричала своим звонким голосом:

– Нет, нет... Не поедешь, абый, не поедешь! – ещё крепче прижавшись к нему, обвила его шею своими тонкими руками.

Галимджан-абзый сначала уставился прямо перед собой в одну точку, затем поднял голову, взглянул на старуху и сноху и громко прокричал:

– Ну что застыли, как сонные мухи? У человека считанные минуты... Сноха, ставь скорее самовар. Мать, приготовь всё, что там у тебя есть.

Камилю как будто бы пробудили слова свёкра, и она с готовностью старательной снохи тут же, словно у неё не две, а четыре руки, принялась за все необходимые домашние хлопоты... Сначала она, подозвав Зайнап, что-то сказала ей на ухо и куда-то отправила. Затем, быстренько схватив самовар, поставила его на пол, добавила воду и сухими щепками разожгла огонь. Перед печью поставила маленький железный таган¹² и сковороду. Из чулана вынесла в трёх-четырёх посудилах масло, яйца, молоко.

Порывшись в маленьком сундуке, начала вытаскивать из него какие-то монеты, тряпки.

Марьям-абыстай тоже по-своему старалась что-то делать. Однако она как будто боялась далеко отойти от сына, всё время крутилась вокруг стола или же застывала на месте, держа в руках какой-нибудь предмет, как будто забывала, что собиралась с ним делать. Затем на миг задумалась и, глядя то на сына, то на мужа, тихим голосом проговорила:

– Может, в баню успеет сходить...

Галимджан-абзый в ответ только покачал головой:

– Эх, старуха, старуха! – И встав, сам начал участвовать в приготовлении чаепития.

Гумеру было очень тяжело видеть немощь матери. От жалости к ней у него зануло сердце и невольно даже мелькнула мысль: «Напрасно я им показался». Однако он тут же представил, как, спеша и волнуясь, он умолял командира отпустить его хотя бы на час в деревню, как бегом, покрывшись потом, бежал к дому, и Гумер наполнился ощущением этих дорогих минут встречи, и в сердце забилося счастье от радостных чувств. Он подумал, что доставит счастье родителям и родным. А теперь эта не успевшая прозвучать музыка радости как будто бы оборвалась стоном, не успевшее улыбнуться солнце как будто бы скрылось за чёрной тучей. Он опасался, что родители почувствуют жившее в его душе одно драгоценное желание – увидеть любимую девушку Захиду, он подумал: «Если скажу о Захиде, они посчитают, что я появился здесь только ради неё». И лишь то, что жена брата куда-то отправила Зайнап, родило в нём маленькую надежду. Шустрая жена старшего брата хотела, чтобы влюблённые встретились.

Вот, узнав от кого-то новость первыми, раньше всех у дверей начали толпиться деревенские мальчишки и девчонки. Мальчишки посмелее зашли в дом и, здороваясь за руку, говорили:

¹² Таган – треножник.

«Здравствуй, Гумер-абый!» – и, не найдя других слов, отступали к двери. Там между ними шёл горячий спор:

- Видел? У Гумера-абый медаль есть!
- Это не медаль, это орден.
- Орден тебе, медаль! Медаль круглая, белая бывает.
- А я и орден круглый видел.
- Пошёл ты, ни черта!
- Не веришь, спроси у самого Гумера-абый!
- Куда ты лезешь, на ногу ведь мне наступил.

Марьям-абыстай взяла сахар, который из кармана Гумер выложил на стол и, приговаривая:

- Вот, дитя моё, от дяди вам гостинец! – начала раздавать его детям.
- Спасибо, тётушка! – отвечали дети и быстро зажимали сахар в горсти. Те, кто стояли сзади, теснясь, старались выйти вперёд.

Гумер в этом стремлении матери порадовать детей в связи с радостью, что вот, мол, сын мой приехал, почувствовал особую глубину её любви к себе, и осознание всей полноты её материнских чувств к нему вдруг оказалось очень тяжёлым. С момента, как Гумер вошёл в родной дом, он, можно сказать, впервые осознал всю тонкость её души и, чтобы сдержать подступившие слёзы, он спешно начал тереть лоб.

Вот Камиля ловко поставила вскипевший самовар на стол. Как и положено для гостей, на столе было расставлено масло, сметана, яичница, сохранённый Марьям-абыстай мёд, пряники, вынутые со дна сундука Камили, полная тарелка с нарезанным хлебом и крупные и мелкие чашки. Гумер попросил катык¹³, по которому очень истосковался.

Марьям-абыстай продолжала убиваться по поводу бедности угощения.

- Уж хотя бы курицу успели зарезать!

Галимджан-абзый пошутил:

– Не переживай, старуха, пока пусть яйца кушает, а если суждено, другой придёт и съест твою курицу, – подмигнул он Гумеру.

Все уселись к столу, и вперемежку с угощением Гумера и расспросами полилась задушевная беседа. За разговором предстоящая разлука как бы забылась. Чаепитие напомнило всем времена, когда их счастливое семейство собиралось за этим столом и все весело разговаривали.

Сначала Гумер коротко поведал о том, что пришлось увидеть на фронте. Марьям-абыстай с изумлением слушала о том, с чем столкнулся её сын, и весь её облик выражал ожидание чего-то более страшного. Когда Гумер стал рассказывать, как он уцелел и как был ранен, она несколько раз будто про себя повторила: «О Боже мой! О Боже мой!» Под конец не выдержала и дрожащим голосом воскликнула:

- Ой, сынок, как же ты жив остался!

Гумер с улыбкой ответил:

- Мама, сама же видишь, я жив и здоров!

И Галимджан-абзый, видя, как сын, спокойно улыбаясь, не спеша, терпеливо рассказывает, ничего не приукрашивая, понимая суть всего, глядя прямо в глаза каждому, подумал: «Парень друго-ой!» Ему захотелось поговорить с сыном о более серьёзных вещах и, потерев пальцами кончик уса, он неторопливо произнёс:

- Так, сынок, у англичан-то как идут дела на фронте?

Марьям-абыстай, услышав слова старика, вспылила:

¹³ Катык – кисломолочный продукт.

– Нашёл о чём спрашивать, «агельчане»¹⁴, видишь ли. Зачем они тебе нужны?.. В голове у тебя других слов нет, что ли?

– Сиди-ка ты тихо!

– Гумер ведь не на месяц приехал, ты бы лучше ему, как отец, полезный совет дал.

– «Ни мишайт»¹⁵, говорю тебе! Гумеру только и осталось, что слушать наши советы.

– Мне дороги мои сыновья, и душа моя горит только из-за них. От Фатиха уже два года нет вестей. А где теперь Шакир, жив ли, здоров ли? Про них надо спрашивать. А ты, старый дурак, об «агельчанах» печёшься.

Галимджан-абзый взглянул на сына и покачал головой, как бы говоря: «Вот что поделаешь с непонимающими людьми?!»

Гумеру были знакомы эти стычки между родителями. У Галимджана-абзый, благодаря чтению газет, были свои мысли по поводу международного положения и внешних сношений, и он любил при удобном случае об этом поговорить. А Марьям-абыстай, как настоящая мать, думала только о семейных отношениях и не была способна на другие заботы, кроме как заботы о детях. И раньше, когда он приезжал на каникулы, они, перебивая друг друга, расспрашивали его: папа о международном положении, а мама о том, как ему живётся в городе, что он ест и пьёт, боролись за его внимание, и всё заканчивалось стычками. В такие моменты Гумер старался подбодрить обоих, и ему приходилось находить тему, интересную обоим.

Вот и сейчас он постарался сделать то же самое:

– Мама, напрасно ты за нас так переживаешь. Вот я живой и здоровый, хоть ненадолго, но приехал повидать вас. Скоро ведь совсем вернусь. Папа же хочет спросить, когда война кончится, хочет спросить, когда мы все вернёмся с победой.

– Верное слово, верное слово!

– От союзников толку мало, папа. Ворон ворону глаз не выклюет... Только после того, как наша армия начала гнать немцев, они, лишь бы глаза замазать, начали шевелиться. Ладно, мы и без них Гитлеру петлю на шею набросили. Сам знаешь, теперь эта петля с каждым днём всё больше сдавливает его!

– Вот как! Дай-то Бог! Народ ждёт, когда эта петля затянется, сынок, очень ждёт. Даже у малышей, которые только начали ходить, на языке только одно слово: когда война закончится, говорят.

– Уж недолго ждать осталось, папа, вот сердце чует, быстро закончится... Да...

Гумер взглянул на свои наручные часы.

– Мне пора выдвигаться, папа, разрешите...

Марьям-абыстай, вздрогнув, сказала:

– Боже мой! Так быстро!

Камиля торопливо потянулась к чашке Гумера:

– Гумер, давай я тебе ещё налью.

Гумер поднялся со своего места. В эту минуту он ясно понимал, до какой степени эта минута мучительна и тяжела для всех, и что бы он ни сказал, всё будет звучать искусственно, но и не сказать нельзя: внешне он старался сохранять спокойствие, но и сам не почувствовал, каким вдруг высоким голосом сказал:

– Большое спасибо за угощение, уважение, да... Я очень по вам соскучился, и хорошо получилось. Уже скоро совсем вернусь, ждите!

Марьям-абыстай начала плакать:

– Как будто бы и не видела твоего милого лица.

– Мама, душа моя, напрасно...

¹⁴ С акцентом произнесённое «англичане».

¹⁵ С акцентом произнесённое «не мешать».

Лицо Галимджана-абзый потемнело:

– Старуха, будь терпеливой!

В эту самую минуту, широко распахнув дверь, вошёл сын старшего брата Марьям-абыстай – Шарифулла, в прошлом году вернувшийся с фронта с деревянной ногой. Он, распахнув свои объятия, направился прямо к Гумеру:

– Хо, Гумер, братишка! Давай, часть души моей, поцелуемся! – и, обняв Гумера, расцеловал его в обе щеки. – Молодец, молодец! Вот живой, здоровый приехал. Спасибо, родной! А меня и не известили. Нет, говорю, своего братишку, вернувшегося из кровопролитных мест, я должен встретить, как молодую сноху впервые встречают¹⁶. Не так ли?! Тётушка Марьям, душенька, почему плачешь? Это ведь радость, праздник ведь это!

А у Марьям-абыстай слёзы льются ручьём. Она с трудом произнесла:

– Ой, милый Шарифулла, ведь уезжает, уезжает!

Растерявшийся Шарифулла, не веря, посмотрел на Гумера. Тот через силу улыбался.

– Так, Шарифулла-абый, наш эшелон стоит на станции. Что поделаешь, маловато получилось...

Шарифулла, с решительным видом достав из кармана брюк поллитровую бутылку водки, со стуком поставил её на стол и заявил:

– Не смеешь, брат, не смеешь! – Он сам уже выпил и был навеселе. – Мы таких шуток не признаём. Раз приехал, должен остаться. Точка!

– Шарифулла-абый...

– Нет, нет, и слышать не хочу. Давай садись! Ты, брат, должен мою команду слушать! – И он наполнил чашку водкой.

– Шарифулла-абый, ты ведь сам из армии вернулся. Разве можно не выполнить приказ?.. Мне дали только один час. Через час я должен вернуться. У меня такой приказ.

Несколько секунд они молча посмотрели в глаза друг другу. Затем Шарифулла, подняв левую руку, сказал:

– Да, приказ – закон. Джизни¹⁷, ты понимаешь, приказ – закон! Старшина Салимов говорит верно. Он должен ехать! Ну, Гумер, пусть ноги твои будут лёгкими! Пусть снова тебе вернуться...

Он протянул чашку с водкой, Гумер взял её.

– Я так скажу, Шарифулла-абый. Уже не придётся столько воевать, сколько отвоевали. Пройдёт немного времени, и мы все, как обошедшее вокруг земли солнце, возвратимся.

– Да, да, вернёшься, обязательно вернёшься! Тётушка Марьям, не лей напрасно свои драгоценные слёзы! «Вернись», говорит, слышишь, «вернись», говорит.

Марьям-абыстай, молча, с трудом старалась преодолевать свой плач. Но её слёзы, как святой источник из материнского сердца, продолжали течь. В этих слезах нет горечи мучительного переживания, в этих чистых, как жемчуг, слезах есть только вовек неостывающее тепло материнской любви. И Камиля, спешно наполнявшая мешок Гумера носками, полотенцем, платками и продуктами, начала всхлипывать и, ни на минуту не отрываясь от своего дела, заплакала. Галимджан-абзый, собрав всю свою волю, стараясь быть спокойным, терпеливым, охрипшим голосом сказал:

– Аминь, Шарифулла, аминь!

Гумер выпил свою чашку до дна.

¹⁶ Здесь речь идёт о народной традиции – части татарского свадебного ритуала – «приезд снохи» (килен төшү), когда молодую жену вся родня мужа с подарками радостно встречает у ворот.

¹⁷ Джизни – муж старшей сестры или тёти. В татарской семейной иерархии – очень уважаемая персона.

– Папа, мама, родные мои, вы из-за меня так сильно не горюйте! Вот Шарифулла-абый быстро меня понял. И вы должны понять. Меня ждёт фронт. Надо с Гитлером покончить.

В глазах Шарифуллы при упоминании Гитлера вспыхнул злой огонёк:

– О, я бы этого Гитлера! Сдавил бы за самое его живое место, да так, чтобы он заорал на весь мир! – и он с такой силой сжал вытянутые вперёд руки, заскрипел зубами так, что казалось, будто бы в эту минуту сидящий где-то в Берлине Гитлер, потеряв покой, должен был слететь со своего стул.

У двери всё больше становилось детей. Начали собираться соседки. Желаящих увидеть, расспросить, посочувствовать Марьям-абыстай всё прибавлялось. Это очень смущало Гумера. Он начал волноваться, что и вправду опоздает, и засобирился:

– Папа, ты ведь меня проводишь?

– Да, сынок.

– А ты, мама...

– И я, и я, – сказала она и с вдруг появившимся оживлением спешно начала собираться.

Гумер намеревался сказать: «А ты, мама, уж не переживай и не ходи», – но ничего не стал говорить.

Наконец, все они: Гумер, повесивший свой мешок на плечи, Галимджан-абзый, поменяв старую шляпу¹⁸ на отороченную мехом шапку, в своём чёрном сатиновом бешмете с наружным поясом, Марьям-абыстай, повязав на поясицу маленькую старую шаль, сноха Камиля, Шарифулла, вышли на улицу.

Гумера окружили дети, женщины и несколько пожилых людей. Начали прощаться. На вопросы женщин вроде «не встречал ли?», «не слышал ли?» Гумер старался дать короткий, но успокаивающий ответ. Внимательно выслушивал разные хорошие пожелания и добрые слова стариков. И в то же время поверх голов он кого-то высматривал. Но не было того, кого он желал увидеть...

Гумер впервые вопросительно посмотрел на жену брата. Камиля, протянув для прощания две руки, горестно вздохнула:

– Я ведь послала за ней Зайнап. Почему до сих пор нет? Неужели ушла на работы в поле?

Гумеру стало жалко расстроенную до такой степени джинги¹⁹, и он, протянув ей обе руки для прощания, тихонько сказал:

– Джинги, не переживай. Огромное тебе спасибо... Передай большой привет!

Затем, расцеловав на прощанье Шарифуллу, он поправил заплечный мешок и зашагал по дороге. За ним – Галимджан-абзый, еле поспевающая маленькими шагами почти бежала Марьям-абыстай, а также увязавшаяся ребятня... При выходе из деревни их догнала запряжённая в тарантас лошадь, посланная для них председателем... На козлах сидел четырнадцатилетний сын председателя Адхам. Он резко остановил бежавшую быстрой рысью лошадь:

– Галимджан-абзый, садитесь.

Для Гумера, который вынужден был идти медленно, жалея обессиленную мать, эта неожиданно догнавшая лошадь была очень кстати. Он, усадив родителей в тарантас, сам влез на козлы и посмотрел назад, вот только теперь ему открылось его единство с родной деревней. Бросив лишь один взгляд, он увидел все переулки, знакомые деревенские крыши, пологую гору напротив деревни, извилистое начало реки, идущее из-под горы, скрываясь за мелким кустарником, цветущий неширокий заливной луг и начинающееся с двух концов деревни широкое хлебное поле. Для него вид родной земли, который он обозревал много раз, был чем-то привычным, обыкновенным. Однако эти склоны горы своей очаровательной красотой начала лета, по которой он истосковался, эти поля, знакомые, как крыша отцовского дома, показали ему

¹⁸ По обычаю, за столом не положено сидеть с непокрытой головой.

¹⁹ Джинги – жена старшего брата.

особенно родными... Он ясно вспомнил, какая тропа куда ведёт, где какой переулочек, какой кустарник, как называется каждое поле, каждое сенокосное место, и понял, что, как бы далеко ни уехал, где бы он ни находился, ему никогда их не забыть, и подумал, что в жизни каждого человека происходит это возвращение в родные места, когда он вновь идёт по своим следам. Вот здесь, среди этих кустов у подножья горы во время сенокоса они с Захидой искали встречи друг с другом. Интересно, что они, встречаясь наедине, старались не выдать свою тайну, не могли сказать хранимых в душе слов, говорили о совершенно ненужных вещах, и если вдруг Гумер, не сдержавшись, против её воли пытался поцеловать Захиду, они, обиженные друг на друга, разбежались. В такие моменты оба, хотя и прекрасно знали, что на сердце у каждого, так и не сказали друг другу «люблю». И только когда Гумер ушёл на фронт, начав переписываться, они с возникшей смелостью открыли друг другу свою любовь. Поэтому только в письме прочитав слово «люблю», не услышав, как это волшебное слово было сказано, с каким взглядом, каким голосом, и сердцем чувствуя, но не веря, что она принадлежит только ему, он очень хотел увидеть свою Захиду.

Лошади быстро домчали их скорой рысью до станции. Сойдя с тарантаса, они вышли на платформу. Длинный эшелон стоял прямо у станции, и возле него ходило туда-сюда множество военных.

Когда Гумер с родителями приблизился к своему вагону, его окружили солдаты. Товарищи Гумера, чтобы показать свою близость к нему, начали говорить, лясь ему и в то же время с некоторой завистью:

- Чёрт возьми, надо же, как повезло Салимову!
- Наш Салимов, он молодец! Ни одной возможности не упустит!
- Что ни говори – старшина! Ловкий народ!

Эти слова они, не осознавая, говорили, чтобы поднять Гумера в глазах родителей и таким образом оказать любезность двум растерявшимся среди большого количества людей испуганным старикам, и по-дружески, но в то же время с какой-то милой детской церемонностью начали здороваться с родителями за руку:

- Здравствуй, дядька!
- Здравствуй, бабушка!
- Порадовались встрече с сыном?
- Скоро насовсем приедет, ждите!

Вообще, собравшиеся со всех сторон огромной страны, кто из городов, кто из деревень, эти солдаты, оставившие дома таких же пожилых родителей, смотрели на крупного, седеющего черноусого Галимджана-абзый и маленькую белолицую Марьям-абыстай с жалостью и задумчивостью. Возможно, они надеялись на такие же счастливые минуты встречи и предвкушали эту вожделенную радость.

В окружившее Гумера кольцо неожиданно вошёл толстый, с короткой шеей, гладко выбритый майор. Гумер, увидев его, быстро выпрямился, как стальной прут, и, щёлкнув пятками одна о другую, отдал честь.

Майор бодрым голосом сказал по-русски:

- А, старшина Салимов, прибыли, значит!
- Так точно, товарищ майор!

– Очень вовремя... О, дорогие папаша с мамашей, пришли провожать! – Он уважительно поздоровался со стариками за руку, но при этом старался сохранить своё достоинство и в то же время выглядеть своим человеком:

- Здравствуйте, папаша! Ну как поживаете?

Галимджан-абзый на такое внимание авторитетного человека отвечал с должным уважением:

– Славу Бух²⁰, товарищ!

Майор, разделяя их радость от встречи с сыном, произносит несколько тёплых слов и высказывает своё сожаление по поводу краткости встречи.

– Ничава²¹, товарищ, ничава, – терпеливо по-русски с акцентом отвечает Галимджан-абзый на это, – война бит²², знаем!

Услышав эти слова, майор, приподняв брови, смотрит на Галимджана-абзый с искренним восхищением и затем, вдохновившись, говорит о том, что война скоро кончится, Советская Армия несомненно разгромит врага, благодаря родителям, вырастившим таких замечательных парней, как Гумер, и в конце своей речи только для Марьям-абыстай, ни слова не знающей по-русски, похлопав по плечу Гумера, произносит на ломаном татарском языке:

– Улан якши, улан якши!²³

Эти слова особенно понравились Марьям-абыстай. Её материнское сердце, не упуская, ловило каждое слово о сыне, каждый взгляд. И хотя слова были ей непонятны, она ясно чувствовала по голосам, какими говорили эти люди, по их взглядам, дружеское отношение к Гумеру, их близость с ним, её душа наполнялась благодарностью к этим людям, и она про себя подумала: «Товарищи у него, благодарение Всевышнему, оказались хорошими!» – и чувствовала успокоение за будущую жизнь Гумера, за его здоровье.

Наконец, мимо них в красной фуражке прошёл начальник станции. Через какое-то время, часто выпуская из тонкой трубы белый пар, энергично зашумел паровоз. Вот вдоль эшелона, в разных местах послышалась команда: «По вагонам!» Обычно самые последние минуты перед отходом поезда для людей бывают самыми трудными. В этот момент люди молчат, всем сердцем чувствуя, до какой степени мучительна разлука, и ждут скорейшего отхода паровоза. Как будто человек, не отдавая себе отчёта, желает скорее избавиться от этих мук разлуки. И Марьям-абыстай, как будто её тянет некая таинственная сила, молча смотрит вперёд, на начальный край эшелона. Наконец, паровоз издаёт длинный гудок и, как будто собираясь с силами, начинает энергично шуметь. Затем поезд медленно трогается... Вагоны, как бы сопротивляясь, со стоном начинают катиться по рельсам. Из вагона кто-то кричит:

– Салимов, мы поехали!

Гумер впервые за эту встречу с очень серьёзным лицом произносит:

– Ну, папа! – и протягивает отцу обе руки.

Галимджан-абзый подхватывает руки сына и шепчет:

– Прощай, сынок! Пусть Бог сохранит тебя от всех бедствий! Пусть нам суждена будет встреча! Почаще пиши!

Затем Гумер смотрит на мать. Со свойственной татарским сыновьям сдержанностью Гумер не собирался отдельно прощаться с ней. Однако, встретив её наполненные слезами глаза, в которых было столько мучительной любви, невольно подался вперёд и сжал её маленькое лёгкое тело. В течение нескольких секунд он почувствовал тепло матери и её бессильный шёпот: «Сынок, прости!», остальных слов из-за шума поезда не разобрал.

Наконец, он, осторожно оторвавшись от матери, побежал за удаляющимся поездом. Товарищи за руки втянули его в вагон. И уже когда он стоял на краю вагонной двери, выпрямившись во весь рост, его виноватое лицо улыбалось, словно просило прощения, и блестели прищуренные затуманенные глаза.

Поезд набирал ход. Удары вагонных колёс о рельсы с ровным звуком учащались.

²⁰ С акцентом произнесённое «Слава Богу!»

²¹ С акцентом произнесённое «ничего».

²² Бит – ведь.

²³ Улың якши, улың якши! – твой сын хороший, твой сын хороший!

Марьям-абыстай с жадностью смотрела на вагонную дверь, в которой была видна фигура сына, но глаза её затуманились. Вагоны сливались друг с другом и начали превращаться в одну общую красную стену. Гумер терялся в этой общей красноте. Постепенно эта краснота слабела, превращаясь в пёстрый отблеск, и казалось, что поезд бежит назад.

На станцию прибежали из деревни Захида и Зайнап. На Захиде расстёгнутое летнее пальто, в руках белый головной платок... Её короткие толстые косы расплелись, волосы плещутся на ветру, потемневший от полевого ветра и солнца широкий лоб и лицо до кончика носа покрыты капельками пота.

Она знает, что поезд ушёл. Она слышала этот звук. Видела, как красный эшелон скрылся за холмом. Белый дым уносящего Гумера поезда, медленно плывущий над станцией, – она всё это видела. И всё же бежала, осознавая отъезд Гумера и то, что она его не увидит, не желая останавливаться, не желая ощущать это, бежала, яростно кусая нижнюю губу. В этом беге было её неосознанное упрямое нежелание примириться с истиной. И вправду, её Гумер так неожиданно появился, и так быстро уехал. И она, Захида, его даже не видела... И это всё правда! Но почему правда?.. Почему правда?

Вот встретилась идущая от станции лошадь. Галимджан-абзый, увидев девочек, велел остановить лошадь... Зайнап бросилась к бабушке. Захида осталась стоять поодаль от тарантаса. Галимджан-абзый с одного взгляда очень хорошо понял, что творится на сердце у девушки. Мягко обратившись к ней, он пригласил:

– Дочка, Захида, садись к нам!

Захида сначала только покачала головой, затем резко бросила лишь одно слово:

– Не поеду!

Галимджан-абзый понимал неуместность лишних слов. Он тихо подтолкнул в спину мальчика, сидящего на козлах, и сказал:

– Давай, дитя моё, двигайся!

Когда они тронулись, Захида, пройдя ещё немного, села в придорожную траву. Она ни на кого не обижалась, ни на кого не сердилась, она даже не думала о том, как обидно, что не удалось увидеть любимого Гумера. Она только мучилась от того, что не может подавить поднявшуюся со дна сердца и гуляющую по всему телу глупую ярость. Она начала рвать траву, растущую возле неё, кусать её и дрожащими пальцами отрывать на мелкие кусочки. Она страдала оттого, что не может проглотить стоящий в горле ком. Она старалась, сердито качала головой, кусала нижнюю губу, но нет – ком всё время стоял в горле. Затем она, положив голову на колени, вздрагивая зажатými летним пальто плечами, безудержно расплакалась.

На другой день в доме Галимджана-абзый потихоньку, как река, вернувшаяся в свои берега, началась жизнь. Однако это было только внешне. Фактически внутренность дома наполнилась невидимым глазу духом Гумера, и люди, выполняя ежедневные дела, хотя и выглядели ни о чём не думающими, не выходили из плена этого духа. Перед их глазами постоянно стоял живой образ Гумера, мысли о нём не выходили из голов, как будто бы вся обстановка дома хранила следы пребывания Гумера, напоминала, где он сидел, за что держался. А уж забытый Гумером портсигар на столе для всех, особенно для Марьям-абыстай, приобрёл таинственное значение как нечто чудесное. О портсигаре много говорили. И то, что он оказался забытым, всеми соседями было воспринято как знак, что Гумер вернётся живым и здоровым... Марьям-абыстай, однажды показав всем этот драгоценный предмет, спрятала его, чтобы он никому не попадался на глаза.

Галимджан-абзый, никогда не считавшийся мечтательным человеком, тоже не переставал думать о сыне. Несмотря на то, что Гумер после двух лет разлуки явился всего на один час, встреча с ним оказала на отца очень хорошее влияние. Сын показался ему созревшим, поумневшим, настоящим мужчиной с благородным нравом. Отцу захотелось верить, что если

сын вернётся живым и здоровым, то найдёт себе пару, достойную сохранять доброе имя семьи, построить счастливую жизнь. И в связи с этим он думал о Захиде.

Гумер своим приездом снова оживил в снохе Камиле угасавшие было надежды. Показалось, что Фатих, от которого уже два года не было вестей, жив и здоров. Ей тоже захотелось верить, что он так же неожиданно явится, и Камиля, ложась и вставая, не могла расстаться мыслями о том, как она будет встречать Фатиха, по которому истосковалась, какое уважение ему окажет, какую он увидит любовь и нежность.

А бедняжка Марьям-абыстай старалась помнить и держать перед глазами каждое слово Гумера, каждый его взгляд и движение, как будто она находилась рядом с живым образом сына, и ей всё время хотелось увидеть его более чётко. Поэтому время от времени Марьям-абыстай казалось, что она не узнала что-то о сыне, казалось, что не может вспомнить какое-то его слово. Она побаивалась спрашивать у Галимджана-абзый, но сноху не оставляла в покое:

– Сноха, дитя моё, скажи-ка, сколько чашек чаю выпил мой Гумер?

Или через какое-то время беспокойно спрашивала:

– Сноха, а мой Гумер катык с удовольствием поел?

То вдруг задумчиво задавалась вопросом:

– Сноха, а что Гумер-то говорил?

Временами её охватывало сильное беспокойство. Ей начинало казаться, что Гумер не приезжал и она его вовсе не видела. В такие минуты Марьям-абыстай молча уходила в себя, её снова поглощала пустота бессилия, и она несмело спрашивала у старика:

– Вчера приезд Гумера был сон или явь?

Галимджан-абзый смотрел на старуху с жалостью, но мягко, с улыбкой, желая её подбодрить, громко отвечал:

– Явь, старуха, явь была!

Марьям-абыстай, как ребёнок, услышавший утешение, успокаивалась.

Она подходила к передним окнам дома и смотрела на железную дорогу. Вот перед ней спрятались за старыми ивами станция с красной крышей и выкрашенные в жёлтый цвет аккуратные строения, а по обе стороны от станции вдоль холма далеко, очень далеко тянется железная дорога...

Станция пустая... Похожая на серебряные вожжи железная дорога спокойна... От края деревни начинается широкое хлебное поле. Тяжёлое покачивание молодой красивой ржи похоже на обгоняющие друг друга тени, которые, минуя железную дорогу, теряются на светлом горизонте. Небо ясное. В центре далёких полей сизый туман. В этом тумане как будто плавают бесчисленное множество сверкающих жемчужных пылинок, которые колеблются, щекоча глаза... И душа, уходя вслед за этим лучистым туманом, чувствует, как выходит из центра зелёных полей, шумно гудя, поезд.

Губы Марьям-абыстай тихо шепчут:

– Вернётся свет очей моих, вернётся!

Воспоминания Гуляндам

I

Осенний вечер. За окном ветер, дождь. Что-то шуршит, громыкает, стонет. Время от времени эти странные звуки, затихая, смолкают. Я в испуге, прервав чтение книги, начинаю прислушиваться. Что это? Или к нашим воротам подошли люди? Времена ведь теперь тревожные. По городу ходят страшные слухи. Говорят, ограбления, даже убийства случаются. Боже, сохрани! Этот восемнадцатый год очень уж тревожным оказался! Но вот сейчас тревога моя напрасна: похоже, это злой, немилосердный ветер сходит с ума, из-за него берёза во дворе стонет и, стуча-ударяясь, царапает голыми ветвями стены дома. Вон, в падающем из окна свете видно, как из стороны в сторону, будто чьи-то корявые руки, качаются чёрные ветки.

Успокоившись, я снова склоняюсь над книгой. К тому же эта книга очень интересная, «На берегах Дёмы» называется. Только сегодня я её принесла от Каримы. На этой мягкой постели, подобрав под себя ноги, опершись о подушку, я читаю её не в силах оторваться. Про неизвестную мне далёкую реку Дёму. Про то, как потрясающе прекрасны её берега... Именно здесь жила семья старого мурзы по имени Исхак. У них в доме жила девочка-сирота Фарида. Короче, великолепная природа, богатая жизнь, красивые люди, но при этом роман и о несчастной любви тоже. Это открывается по мере чтения. Удивительно, какой роман ни читаешь, он всегда повествует о несчастной любви... Интересно, почему это? Или на свете не существует счастливой любви?

Прервав моё сладостное чтение, в комнату вошла Сабира, девушка-домработница.

– Барышня, вас зовёт ваш папа!

– Зачем опять?

– Показать вас одному парню.

– Оставь свои бессмысленные шутки...

– Сами увидите, – равнодушно ответил Сабира и тут же вышла.

Я, конечно, не поверила её словам. От нашего папы не дождёшься, чтобы он показал меня парню. Но раз позвал, надо идти. Нехотя я сменила обувь, надела мягкие чуваки, взглянув в зеркало, поправила причёску и стала спускаться по узкой лесенке. На мне было простенькое ситцевое платье... В таком виде я вошла в зал.

При входе, как будто ударившись о невидимую стену, я резко остановилась. Оказывается, не шутила Сабира! Рядом с папой в мягком кресле сидел молодой человек. Почему-то в этот момент я успела обратить внимание на его большие глаза, тонкие соболиные брови и беломраморный лоб. Естественно, от такой неожиданной встречи я смутилась, мои щёки, покраснев, начали пылать.

Похоже, папа понял моё состояние и, слегка усмехаясь, встав со своего стула, просто сказал:

– Доченька, это господин Салих!

Молодой человек встал и молча поклонился мне. Я тоже поклонилась и быстро перебрала косу за спину. Затем папа, глядя на парня, произнёс:

– А это наша дочка Гуляндам.

Парень ещё раз слегка поклонился. После этого папа мне сказал:

– Дочка, я пригласил господина Салиха давать тебе уроки музыки. Мы уже обо всём договорились. Господин Салих милостиво согласился на малое. Теперь, доченька, дело за тобой:

Иншалла²⁴, верю, что ты всеми силами постараешься как можно больше узнать от господина музыканта.

– Спасибо, папа, – сдержанно ответила я.

– Но только одно условие, – добавил он, обернувшись к господину Салиху, – во время занятий вы мне позволите сидеть в сторонке... Я безумно люблю наши мусульманские мелодии, искренне!..

– На ваше усмотрение, – ответил господин Салих, слегка улыбнувшись краешком рта.

Похоже, он не очень поверил в папину «безумную любовь к мусульманским мелодиям». Однако папа и в самом деле очень любит музыку, безгранично любит, если бы не любил, так не стремился бы обучать меня музыке. Но очень возможно, его пожелание «посидеть в сторонке во время урока» исходило не столько из любви к музыке, сколько из необходимости не спускать с нас глаз.

Господин Салих, судя по его давешней улыбке, именно так это и понял. Конечно же, мне стало очень неловко за папу. На самом деле, высказанное им условие иначе понять невозможно. Ученица – девушка, достигшая возраста невесты, учитель – молоденький парень – разве можно их оставить без надзора?

Господин Салих спросил у папы разрешения поговорить со мной. Получив папино согласие, он, глядя на меня, мягко спросил:

– Барышня, вы давно научились играть на пианино?

Я слегка растерялась от прямого взгляда его ярко-синих глаз, непроизвольно снова покраснела и смущённо ответила:

– Нет, недавно.

– У кого учились?

– Сначала сама.

Господин Салих, кивнув в сторону нотных тетрадей, лежавших на пианино, сказал:

– Похоже, вы и по нотам можете играть.

– Да, играю... немного.

– Нотам кто научил?

На его вопрос поспешил ответить папа.

– У нас по соседству жила женщина-еврейка, когда она узнала, что у нас есть пианино, стала заходить к нам. Она оказалась увлечённой музыкой женщиной. Мало того, что дама, будучи в настроении, играла сама, она взялась учить музыку и Гуляндам. «У вашей девочки музыкальный талант, её надо учить по-настоящему», – говорила она. Мы не возражали, особенно её мама... Гуляндам изучила ноты. Ничего не скажешь, постаралась еврейка!

– Кто она, как её фамилия?

– Как её звали, дочка?

– Маргарита Яковлевна Зель... Зельберг...

Господин Салих задумался:

– Зельберг?... Нет, не знаю, к сожалению!

– Эту даму, когда началась германская война, выслали из Петербурга, – добавил папа. –

В любом случае она в нашем городе была временным человеком, когда наступила свобода, она куда-то уехала.

Господин Салих снова обратился ко мне:

– Позвольте ознакомиться с вашими нотами!

Я кивнула в знак согласия. Он принялся по очереди просматривать ноты.

– Скрябин... Шопен... Ладно, это хорошо... А это кто? Гурилёв! Теперь это один из самых исполняемых композиторов... Вот эту его вещь не смогли бы вы, барышня, сыграть?

²⁴ Иншалла – Бог даст.

Мне волей-неволей пришлось взять в руки протянутые ноты. Это был романс «На заре туманной юности». Нельзя сказать, будто бы я это произведение не играла, но меня испугало, что я должна такую трудную вещь исполнить перед господином Салихом. Но раз это просьба моего будущего учителя, хочешь не хочешь пришлось сесть за пианино. Я раскрыла ноты, стараясь не волноваться, не спеша, осторожненько начала играть. Господин Салих, поодаль от меня, опершись на пианино, слушал с большим вниманием. До сих пор никто, тем более ни один музыкант, стоя рядом со мной, специально не слушал меня. Я даже не почувствовала, как сыграла.

Когда я закончила, господин Салих сказал лишь одно слово:

– Хорошо!

А что «хорошо» – то ли моё исполнение, или то, что я завершила, я так и не поняла.

После этого господин музыкант (как его назвал папа) велел исполнить какую-нибудь любимую мною мелодию без нот.

– Татарскую? – спросила я.

– Конечно, – ответил он.

Вот это, надо сказать, к моему стыду, было для меня самым трудным делом. До сих пор я по-настоящему не учила ни одной нашей мелодии. Правда, раньше некоторые наши мелодии я неплохо играла, но, начав учиться играть по нотам от Маргариты Яковлевны, я те мелодии забыла. Маргарита Яковлевна почему-то не любила такое исполнение. «Сначала надо выучиться играть по нотам, а только потом выучить произведение наизусть», – говаривала она.

А где найти ноты татарских мелодий?!

Наконец, я, смущаясь, вынуждена была сказать ожидающему господину Салиху:

– Извините, я не умею играть татарские мелодии.

– Совсем? – спросил он удивлённо.

Я не знала, что ответить.

– Нет, вы умеете, – произнёс он, пытаясь воодушевить меня. – Ну-ка, ну-ка! Давайте! Мне ведь надо только послушать вас.

Конечно, было бы некрасиво спорить. Но, Боже, что и как исполнить? Вот так мучительно размышляя, я вспомнила когда-то знакомые мне мелодии и очень осторожно начала играть. Это была песня «И весна придёт...», она звучала у меня в душе... Наконец, сыграла.

– Ну вот, получилось ведь! – сказал с улыбкой господин Салих. – Не могу похвалить ваше исполнение, но мелодию вы умеете чувствовать. А это – самое нужное, самое важное для музыканта!..

В этом месте опять включился папа:

– Нашей целью, господин Салих, не является сделать из дочки музыканта. Если она научится красиво исполнять наши мелодии, мы бы этим остались вполне довольны. С вашей помощью, конечно!

Господин Салих сначала поклоном поблагодарил меня и только после этого перешёл к папе.

– Ахметжан-абзый, Гуляндам непременно выучится красиво исполнять татарские мелодии, – заверил он папу, а возможно, даже станет настоящим музыкантом, всё зависит от её дарования и вашего желания.

Папа согласился:

– Верное слово! – сказал он. – Но это будущее покажет, если суждено!

– Да, будущее покажет! – повторил господин Салих. – А уроки начнём на следующей встрече. Когда вы разрешите приходить?

– Как мы договорились раньше, вы должны будете приходить два раза в неделю. Сегодня вторник, какой следующий день будет для вас удобен?

– Кроме пятницы, мне подходит любой день.

– Пятница – день богомолья, поэтому вы в этот день не хотите заниматься мирскими делами, господин Салих, не так ли?

Скорее всего, папа задал этот вопрос в шутку, но господин Салих, не растерявшись, очень интересно ему ответил:

– Наоборот, Ахметжан-абзый, у меня в этот день много святых дел. Например, днём я играю для детей в клубе «Восток», а вечером должен играть в оркестре театра «Сайяр».

– А, вот как, а я совсем забыл о ваших служебных делах. Извините! Тогда какой день будет самым подходящим для вас? Если в четверг, то между двумя уроками будет мало времени... Может, суббота?

– Я согласен. Только с пяти до семи вечера. Днём я не смогу освободиться.

– И для нас это очень удобное время, – сказал папа. – Дочка, ты слышала, господин Салих придёт в субботу давать урок?

– Слышала, – ответила я.

Папа начал было ещё что-то говорить, но заметив, что я смотрю на них (вернее, на господина Салиха), прервал свою речь и вежливо обратился ко мне:

– Дочка, на сегодня ты свободна!

И я тоже, понимая, что такое приличие, опустив голову, чтобы не было видно, как я покраснела, вышла из зала. А они ещё остались беседовать.

* * *

Когда я вернулась к себе, мне не удалось быстро успокоиться. Не хотелось даже братья за книгу, которую я читала с таким увлечением. Почему-то эта неожиданная встреча меня очень взволновала... Салих... Господин Салих!..

Ладно, почему неожиданная?.. В нашей семье уже давно шла речь о приглашении учителя музыки. Прежде всего я сама этого очень хотела, мама также хотела, постепенно и папа согласился... Здесь надо отметить, что моя мама по тем временам была женщиной, очень стремящейся к культуре. Она родилась и выросла в Симбирске, а Симбирск – это не Казань, а чисто русский город. Несмотря на то, что она была дочерью ахун-хазрата²⁵ и на самом деле получила мусульманское воспитание, ей довелось общаться с русскими девочками, осваивать их язык, привычки, наблюдать их домашнюю семейную жизнь.

Конечно, всё это не могло не повлиять на неё. Например, мама никогда не скрывала своё лицо от мужчин, а также никогда не носила, как жёны многих состоятельных людей, вышитые позументом камзолы и сапожки без каблуков. Она любила одеваться по-европейски и заказывала платья у русских портних. И, разумеется, мама старалась воспитывать меня по-своему. Меня отдали учиться в школу Лябибы-ханум, считавшейся в Казани самой передовой. В этой школе для девочек наряду с другими предметами велось обучение русскому языку и различным рукоделиям. (Я уже перешла в четвёртый класс этой школы, но, к сожалению, нынче во время большого летнего пожара наша школа сгорела.) Затем, заметив во мне кое-какие способности к музыке и пению, она, несмотря на отнекивания папы, заставила его купить пианино. И вот теперь приглашение специального учителя – это, конечно же, мамина работа. Что касается моего папы, он, честно говоря, человек с очень устаревшими взглядами. Особенно на то, что касается воспитания. Он почему-то считает, что девочкам не нужно много знаний. Видишь ли, слишком много знающая девочка становится независимой, а в будущем, научившись независимости, она начнёт забывать свои обязанности. То есть она не сможет быть мужу послушной женой, а детям хорошей матерью. (Почему не сможет? Сама я этого никак не пойму.) Хорошо ещё, у папы есть «мягкая» сторона – он во многих случаях вынужден соглашаться с мамой.

²⁵ Ахун-хазрат – мулла, священнослужитель, эта должность соответствует сану архиерея в православной церкви.

(Мама по происхождению и воспитанию намного выше его, папа же – из «мужиков», и только благодаря своей сметливости и старанию стал доверенным лицом больших богачей.) Вот и в случае приглашения учителя для меня всё так и было: мама сказала «надо», а папа... Благо, в этом случае большого спора не было, потому что, как я уже говорила, папа и сам очень любил музыку. И всё же удивительно, что он пригласил в учителя такого молодого и красивого парня, как господин Салих. Такого я не ожидала. Видно, какой-то авторитетный человек его очень похвалил и предложил папе. (Мол, он не только музыкант, но и очень воспитанный, приличный и надёжный молодой человек: видели, как он у папы спросил разрешения поговорить со мной?) И при этом господин Салих будет приходить к нам и обучать меня в присутствии родителей. Так что не будет причины излишне опасаться! Не так ли?

Так-то оно так, только почему я, увидев господина Салиха, так сильно оробела. Смущение и какая-то радость одновременно охватили мою душу в это мгновение – почему это, почему? По причине неожиданного появления передо мной красивого парня?.. Да, не скрою, как только я вошла в зал, его красота бросилась мне в глаза: очень чистое белое лицо, ямка на подбородке, в меру полные губы, небольшой, но правильный нос, особенно гладкий беломраморный лоб с падающими на него каштановыми волосами – всё это вызывало восхищение. Я уж не говорю о его ярко-синих глазах. Я только взглянула на него, и тут же эти глаза то ли глубиной, то ли задумчивостью будто поглотили меня.

Однако теперь, успокоившись, я была удивлена: неужели красота этого парня Салиха с самого первого взгляда стала причиной моего волнения?.. Если так, то я ведь и раньше видела красивых парней, однако никто из них никогда не вызывал такого волнения и не заставлял испытывать такую необычную радость!

То есть секрет здесь не в его красоте. Конечно, нет! А в чём же?..

Скрытую тайну этого состояния я пока не знаю, не знаю... не знаю... только одно знаю: кроме красоты ещё... как бы это сказать? Не могу подобрать слова, Бог мой!.. Подожди, кажется, нашла: утончённость! Да, да, утончённость!.. Знаете, во всём облике господина Салиха, во внешности, в манере держать себя, даже говорить, чувствовалась присущая только благородным людям утончённость.

Он утончённый человек!.. Вот к какой личности Всевышний меня неожиданно направил.

II

В назначенный день, в условленное время господин Салих пришёл давать мне первый урок. Тут я скажу вот что: перед его приходом я старалась разрешить очень важный для меня вопрос: что мне делать – спуститься в зал пораньше и ждать его или только после его прихода? Как ученица, я должна ждать его на своём месте, то есть за инструментом. Но в то же время я ведь всё же барышня, то есть я должна спуститься после того, как господин Салих появится, это вполне извинительно... Так даже правильнее будет. И я в этот раз так и сделала – появилась в зале только после его прихода. Мы поклонились друг другу. Папа был уже там, и они, стоя, беседовали. Господин Салих, соблюдая приличия, не спешил подойти ко мне, только через некоторое время спросил у папы разрешения начать урок. «Пожалуйста!» – сказал папа и уселся в своё жёлтое бархатное кресло. До конца урока он будет сидеть, слушая нас. Трудная ситуация!.. Особенно неудобно перед господином Салихом – кто-то будет сидеть, уставившись тебе в спину!..

Однако господин Салих, не удивляясь этой ситуации, спокойненько подошёл ко мне, положил на пианино свёрток и предложил мне сесть. Сам, взяв стул, устроился несколько поодаль.

Я жду его первого слова – с чего мой учитель начнёт урок?.. Конечно, сначала скажет несколько слов о музыке вообще. Но он начал очень просто:

– Барышня, – сказал он, – вы уже ноты знаете и на пианино прилично играете. Поэтому хочу начать сегодняшний урок прямо с изучения наших народных мелодий. Вы ведь не будете против?

Мой учитель так у меня спрашивает – это удивительно! Я робко ответила «нет».

– Ну тогда я вам сыграю. Разрешите!

Я отодвинулась подальше, он пересел к инструменту. Начав играть, он сказал следующее:

– У татар очень много мелодий. В основе всех их – пятиный лад, а мелодии друг от друга отличаются. Есть «Тэфтилэу» – «Лири», «Алмагачлары» – «Яблони». Обе созданы в пентатонике, но какая разница между ними! В первой – глубокая печаль, в другой – энергия, радость. Такая у народа душа, барышня, – умеет найти мелодии, песни, чтобы выразить самые тонкие переживания! Мы будем разучивать разные из них. А пока, чтобы играть, выберем полегче. Например, «Родной язык»! Она вам, наверное, знакома... Во всех школах её поют на слова покойного Габдуллы Тукая.

– Мы тоже пели её хором, – сказала я, осмелев.

– Вот и хорошо... Прежде эту мелодию называли «На могиле матери». Когда стали петь на слова Тукая, можно сказать, мелодия родилась заново. Из мелодии тяжёлого горя она превратилась в мелодию светлого духа. И название: «Родной язык»!

И правда, вот как, оказывается!.. Даже то, как господин Салих произнёс это с какой-то детской радостью, показалось мне особенно удивительным. Я невольно обернулась к нему, а он, как будто этого ждал: широко раскрытыми глазами смотрел на меня! На секунду мы оба как будто смутились. Затем он спокойно сказал:

– Теперь слушайте! – и приготовился играть.

Он остался на том месте, где сидел, распрямился, поднял голову, глядя вверх, немного задумался и, как-то странно тряхнув плечом, положил руки на клавиатуру. Вот тут я обратила внимание на его руки! Пальцы не очень длинные, однако в меру тонкие. Вот он красивым движением немного приподнял руки и начал не спеша, мягко и легко играть. На свои руки совсем не смотрит, они как крылья чайки лишь задевают клавиши, а при этом мелодия потекла ровно, непрерывно, то затихая, то замедляясь в нужных местах.

Вот он завершил исполнение, музыка смолкла, а песня, вот удивительно! – как будто всё продолжалась. Господин Салих и сам, прислушиваясь, немного приостановился, затем осторожно убрал руки с клавиатуры, слегка вздохнув, сказал: «Вот так!»

Мне очень сложно давать оценку его игре, потому что не имею права, но только одно хочу сказать: Господин Салих очень естественный, очень непосредственный человек, вероятно, поэтому он играл так проникновенно. Даже папа, который тихо сидел, не смог не сказать:

– Прелестно! Прелестно, господин Салих!

Господин Салих, усмехаясь и, чтобы не оставить без ответа, сказал:

– Спасибо! – И, повернувшись ко мне, продолжил свою речь. – Каждый музыкант, барышня, исполняет по-своему, потому что он по-своему слышит мелодию, поэтому я не могу вас заставить играть, как я. Но мелодию вы должны усвоить правильно. Поэтому сначала нужно играть, глядя в ноты, надо будет играть по нотам... Вот я вам принёс ноты «Родного языка», которые записал сам.

Он развернул свёрток, который лежал на пианино, вытащил ноты и один лист протянул мне:

– А теперь вы попробуйте сыграть!

Я села поближе, раскрыла и поставила перед собой двухстраничные ноты.

– Не спешите, сначала хорошенько просмотрите, – сказал господин Салих.

Я прошла глазами по нотным знакам – мелодия была «читаема». И когда я, собираясь играть, положила руки на клавиатуру, господин Салих ещё добавил:

– Локти не прижимайте к себе. Вот так. Вообще, когда играешь, надо сидеть естественно.

Это мне всегда говорила и Маргарита Яковлевна, как правильно ставить пальцы, правильно двигать ими – всё это она показывала мне. Ведь и сама знаю и при этом всё время прижимаю локти к бокам. (Или это привычка застенчивых девочек!) Я так волновалась, что не могла начать. Господин Салих, почувствовав это, тихонько напел: «Ля-ля-си-ля-фа-диез...» И я отчаянно начала. Мелодия была очень простая, очень знакомая, поэтому я, вроде бы ничего не испортив, сыграла её до конца... Однако господин Салих попросил внимательно повторить её снова. Только после этого он сказал:

– Так, вроде правильно играете, барышня. Только прислушивайтесь к течению мелодии. Старайтесь играть так, как написано в нотах. Точно сохраняйте ритм. Это вам понятно?

– Понятно, – ответила я.

– Конечно же, надо много раз повторять. До следующего урока старайтесь играть её с душой. Это будет моё первое задание. Ещё вот что хочу сказать: чтобы совершенствовать технику игры, вы не должны забывать старые упражнения. Видимо, та ханым вас заставляла играть различные упражнения. Вот их снова надо повторить. Знаете, добиться музыкального мастерства можно только постоянными непрерывными упражнениями. Иначе не получится... А у вас есть «Этюды» Черни?

– Нет, я не смогла их найти.

– Тогда я вам их принесу... Это будет очень полезно для обогащения техники... А теперь я ещё раз сыграю «Родной язык»... Как я говорил, не ради того, чтобы мне подражать, а чтобы правильно услышать... В некоторых местах плавно, помедленнее, в некоторых местах повыше, посильнее – обратите на это внимание!

...Да, совсем по-другому!.. Когда он играет, мелодия как будто сама находит своё естественное, правильное звучание – кажется, что играть по-другому невозможно. Кажется, что это очень открыто, очень точно и очень легко... И после него хочется сыграть – возможно, получится как у него... Ладно, это самообман. Разве настоящего музыканта можно повторить?! Даже сильнее его мастер не смог бы этого сделать. И всё же, когда снова повнимательнее сыграла, не так сильно волнуясь, господин Салих удовлетворённо воскликнул:

– Вот видите! – обрадовал он меня. – На этот раз сыграли и правильнее, и точнее. То есть то, что исполняешь руками, оказывается, слушать надо душой, барышня!

Хоть это было сказано только в утешение, но настроение моё поднялось. Не знаю, как в других делах, но в музыке чрезвычайно важно обнадёживание, ведь тому, кто обучается музыке, как воздух нужна вера в себя...

Так прошёл наш первый урок. Господин Салих, наказав мне ещё раз как следует поучить «Родной язык» и вообще почаще повторять упражнения, встал, чтобы уйти.

Папа тоже поднялся со своего места:

– Господин Салих, не спешите-ка. Сейчас готовят чай. Перед уходом попейте чаю!

– Спасибо, Ахметжан-абзый! – вежливо ответил господин Салих. – Мне пора идти.

Когда папа снова начал: «Нет, ну правда», он, как бы говоря: «не принуждайте», поднял обе руки, ещё раз поблагодарил, обернувшись ко мне поклонился:

– До свидания, барышня!

И лёгкими шагами направился к выходу. Папа пошёл его провожать.

* * *

Я вернулась в свою комнату. Настроение было прекрасное. Сегодняшний урок, по моему, прошёл очень успешно. По крайней мере я довольна, очень довольна!..

Всё сказанное господином Салихом было легко для понимания, всё сказанное каким-то образом через душу впитывалось в память. Ко мне и учительница была очень внимательна – ни разу она не выразила беспокойства или огорчения.

Кроме того папа, сидевший специально, чтобы слушать, думаю, остался доволен. Ведь господин Салих держал себя очень воспитанно и тактично!.. Причём не нарочито, а очень естественным образом – надо полагать, это была его манера держаться.

Утончённый человек! Однако эта утончённость не только в его внешности и манере держаться, но, видимо, она есть в его внутреннем мире, в его природе – вот что я почувствовала сегодня. И хотя он такой молодой, как он свободно и на равных держит себя с моим папой, даже в разговоре чувствовалось некоторое превосходство!

Моя мама любит анализировать родословные. Она делит людей на «благородных» и «неблагородных» в зависимости от того, кто их родители и какая у них родословная. Вот и я думаю: кто родители этого красивого парня, из какой он семьи, кто его воспитывал. Родственник какого-нибудь хазрата, сын большого богача или дитя учителя? Однако он не должен быть сыном хазрата или богача, потому что мама бы давно об этом узнала и мне бы сообщила, что это сын такого-то купца или такого-то хазрата. А кроме того, трудно поверить, чтобы парень из такой семьи был бы музыкантом или работал в театре. Может быть, он из рода какого-нибудь мурзы²⁶?.. Нет, едва ли, этому моя душа не верит. Ладно, ни к чему голову ломать, какое значение это имеет?.. Чей бы сын он ни был, господин Салих, когда появился на этом свете, он родился как само благородство, по-моему... Словом, я ему удивляюсь, восхищаюсь и... радуюсь, и сама ясно не знаю, чему радуюсь.

²⁶ Мурза – человек, принадлежащий к привилегированному классу.

III

Время проходит. Вот третий... пятый, шестой урок прошёл. Таким образом, наши уроки шли по известной колее. Господин Салих приходит два раза в неделю, ни разу не опоздав ни на минуту. И как только заканчивается урок, не задерживаясь ни на минуту, уходит. Папа пару раз после урока пытался уговорить его остаться на чаепитие, но он всегда говорил «нет времени, много работы», и, поблагодарив, отказывался остаться. Конечно, работы немало, наверное, всё-таки, кроме игры в оркестре, он вместе с артистами посещает различные места, особенно казармы, участвуя там в концертах, но истинная причина того, что он не остаётся, по-моему, не в этом. Я думаю, господин Салих считает, что приходящему учителю неприлично у нас есть и пить. В этом настоящая причина. Я думаю, что на его месте я так же поступила бы – человек ведь должен знать свой уровень!

При этом мы постепенно сильно привыкли друг к другу... Во время уроков мы стали держаться естественнее и проще. Я уже излишне не волнуюсь и стараюсь держать себя свободнее и даже как-то бесцеремонно... Признаки таких изменений мне неожиданно привелось обнаружить. На одном из последних уроков я, собираясь что-то сказать, начала с «господин Салих», в этом месте он меня резко прервал:

– Барышня, ради Бога, не называйте меня «господин Салих».

Возможно, из-за того, что сказано это было очень категоричным образом, я удивилась:

– Почему? Или нельзя, или это запрещённое слово?

– Нет, – сказал он, усмехаясь, – декрет о запрете ещё не выходил... только я сам этого не хочу.

– Почему?

– Видите ли, – произнёс он, всё так же усмехаясь, – я ведь человек, не успевший стать «господином». Поздновато родился!

Действительно, а не верно ли он говорит? Господа обычно были большие, почтенные люди. А у этого даже усы ещё как следует не появились... И мне самой обращаться к нему – молодому парню «господин» казалось странным и стыдным. И всё же в то время обращаться иначе было невозможно.

Немного растерявшись, я несмело спросила:

– А как нужно обращаться?

– Теперь, сами знаете, ко всем людям обращаются «товарищ», – ответил Салих... господин Салих. – Однако я не дерзну сказать вам: «Обращайтесь ко мне так же». Сказать так было бы не совсем прилично, особенно барышне. В крайнем случае можете обращаться ко мне «абый». А если будете говорить просто «Салих», будет ещё лучше.

И верно, почему не говорить просто «абый». Он ведь старше меня на несколько лет. Казанские девушки, если им понравился парень помоложе их, говорят «абый, душа моя». Только я боюсь, что это не понравится папе. Ещё подумает что-нибудь. Слово «господин» как бы отдаляет людей друг от друга, а «абый» напротив – сближает... Нет, я так поступлю: в присутствии папы я буду говорить «господин Салих», а когда мы будем только вдвоём, от души буду называть его «Салих-абый», а только для меня одной он будет «Салих». Это имя мне очень нравится, оно ему очень подходит, пусть он только для меня останется «Салихом»!

Да не покажется, что я хваюсь, занятия наши, к счастью, проходят очень успешно. После «Родного языка», я научилась красиво играть «Хэмдию», «Асылъяр», «На берегах красавицы Белой», «Галиябану»²⁷. Оказалось, господин Салих (не господин, а Салих!) особенно любит «Галиябану». В конце восемнадцатого года, после того, как в Казани впервые игра-

²⁷ Названия любимых татарским народом песен.

лась музыкальная драма «Галиябану», мелодии из неё быстро распространились среди татарского народа. Сейчас, наверное, не встретишь человека, который бы не напевал: «Галиябану, красавица моя нежная»... Салих говорит, что успех этого произведения, то, что оно живёт, обеспечила мелодия. Говорит, что в этой народной музыке поразительно глубоко и мелодично раскрывается самая чистая, самая светлая, стыдливо-искренняя любовь татарской девушки и юноши; даже их несчастливая любовь открывается как удивительно глубокое, великое, благородное чувство. При каждом случае Салих не перестаёт восхищаться Эшрэф-ханым Синаевой. Говорит, своей фигурой, мелодичным голосом, всей своей утончённостью она точно, как живая Галиябану. И ещё Салих говорил, то, что песенная музыка стала исполняться на сцене, – это очень обнадеживающее, совсем новое явление. Со временем появятся песни и мелодии, созданные музыкантами на основе народной музыки специально для сцены. Он произносил это с такой верой, так вдохновенно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.